

ВАТТЛЕТЕСН

БИБЛИОТЕКА

BATTLETECH

FedCom CivilWar

УРАГАНЫ СУДЬБЫ

Честь превыше всего -
кроме справедливости

Лорен Л. Коулмен

Здравствуйте, уважаемые читатели!

Хотим представить вашему вниманию - первые главы ранее неизданной в СНГ книги Лорена Коулмена Ураганы Судьбы, повествующей о войне в Федеративном Содружестве. Данный перевод выполняется полностью на фанатские средства. На данный момент готово примерно тридцать процентов книги. Перевод книги не смог бы состояться без участия наших форумчан - barbos, Fenris, KolbunD, RJF_Puma, Sasha, Scorpion Dog, shipolino, а также нашего замечательного переводчика Сергея Мартыненко.

Коллектив портала cbtbooks.ru дарит вам на Новый Год эти первые пять глав, полностью же прочесть книгу вы сможете к концу февраля 2010 года. Если у вас есть желание помочь нашему portalу в переводе книг - мы всегда рады видеть вас у нас. Ну, а если у вас нет знания языка, вы можете помочь нам материально для оплаты переводов.

Наши кошельки webmoney: E114567736895, R298491863777, Z323245436936.

С наступающим вас, и удачи в новом году.

Ваш проводник в мире Battletech - портал cbtbooks.ru

Слово переводчику:

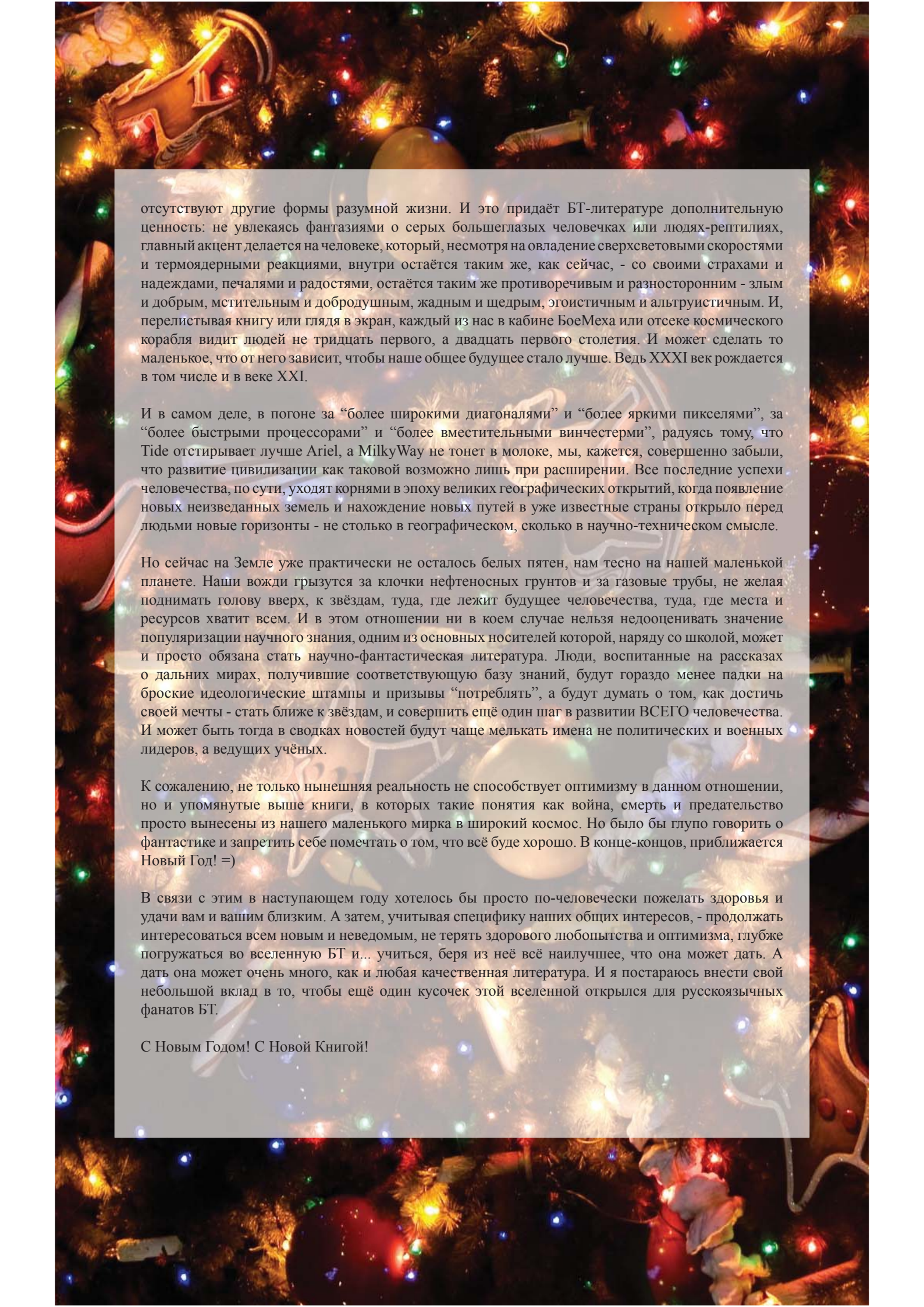
Уважаемые фанаты БТ! В преддверие Нового Года, кроме традиционных пожеланий, хотелось бы сказать пару слов о значении для всех нас фантастики вообще и БТ в частности.

В широких кругах фантастическую литературу (читай - фильмы, игры, и т.д.) принято считать чем-то несерьёзным, отвлечённым от жизни, своеобразными “современными сказками”. Однако такое отношение к фантастике сформировалось сравнительно недавно, примерно с середины девяностых годов прошедшего столетия, когда рынок заполонила масса “фантастической” литературы о супергероях, в одиночку сражающихся со стаями драконов и космическими империями.

Изначально же фантастика была передовым, можно сказать, - элитарным, направлением в литературе, достаточно вспомнить хотя бы Жюль Верна, Герберта Уэллса или братьев Стругацких. Рассказывая о вещах и технологиях, которыми на текущий момент времени человечество не обладает, авторы фантастических произведений, обладавшие незаурядным интеллектом, делали своеобразный прогноз развития цивилизации. Нет, не в том смысле, как это делал Нострадамус, описывавший в своих катренах “голову в золотой клетке” или “Венеру в Тельце”, а куда более прозаично (простите за тавтологию). Паровоз, подводная лодка, летательные аппараты тяжелее воздуха, глобальная компьютерная сеть - всё это появилось в фантастических произведениях задолго до воплощения соответствующих идей в жизнь.

В этом и состоит главное отличие НАУЧНОЙ фантастики от литературной сказки, фэнтези. В то время как последняя представляет исключительно литературный интерес, первая в каком-то смысле открывает перед нами будущее. Неясно, мельком, где-то ошибаясь, порой даже крупно, - но тем не менее. И читая сагу “Основание” Азимова или книги из серии БТ невольно задумываешься - а не таким ли будет человечество через тысячу лет?...

Кстати, два вышеназванных научно-фантастических цикла (наряду с “Дюной” - пожалуй, единственные заметные произведения, описывающие космическую эру человечества, в которой

отсутствуют другие формы разумной жизни. И это придаёт БТ-литературе дополнительную ценность: не увлекаясь фантазиями о серых большеглазых человечках или людях-рептилиях, главный акцент делается на человеке, который, несмотря на овладение сверхсветовыми скоростями и термоядерными реакциями, внутри остаётся таким же, как сейчас, - со своими страхами и надеждами, печалью и радостями, остаётся таким же противоречивым и разносторонним - злым и добрым, мстительным и добродушным, жадным и щедрым, эгоистичным и альтруистичным. И, перелистывая книгу или глядя в экран, каждый из нас в кабине БоеМеха или отсеке космического корабля видит людей не тридцать первого, а двадцать первого столетия. И может сделать то маленькое, что от него зависит, чтобы наше общее будущее стало лучше. Ведь XXXI век рождается в том числе и в веке XXI.

И в самом деле, в погоне за “более широкими диагоналями” и “более яркими пикселями”, за “более быстрыми процессорами” и “более вместительными винчестерами”, радуясь тому, что Tide отстирывает лучше Ariel, а MilkyWay не тонет в молоке, мы, кажется, совершенно забыли, что развитие цивилизации как таковой возможно лишь при расширении. Все последние успехи человечества, по сути, уходят корнями в эпоху великих географических открытий, когда появление новых неизведанных земель и нахождение новых путей в уже известные страны открыло перед людьми новые горизонты - не столько в географическом, сколько в научно-техническом смысле.

Но сейчас на Земле уже практически не осталось белых пятен, нам тесно на нашей маленькой планете. Наши вожди грызутся за клочки нефтеносных грунтов и за газовые трубы, не желая поднимать голову вверх, к звёздам, туда, где лежит будущее человечества, туда, где места и ресурсов хватит всем. И в этом отношении ни в коем случае нельзя недооценивать значение популяризации научного знания, одним из основных носителей которой, наряду со школой, может и просто обязана стать научно-фантастическая литература. Люди, воспитанные на рассказах о дальних мирах, получившие соответствующую базу знаний, будут гораздо менее падки на броские идеологические штампы и призывы “потреблять”, а будут думать о том, как достичь своей мечты - стать ближе к звёздам, и совершить ещё один шаг в развитии ВСЕГО человечества. И может быть тогда в сводках новостей будут чаще мелькать имена не политических и военных лидеров, а ведущих учёных.

К сожалению, не только нынешняя реальность не способствует оптимизму в данном отношении, но и упомянутые выше книги, в которых такие понятия как война, смерть и предательство просто вынесены из нашего маленького мирка в широкий космос. Но было бы глупо говорить о фантастике и запретить себе по мечтать о том, что всё будет хорошо. В конце-концов, приближается Новый Год! =)

В связи с этим в наступающем году хотелось бы просто по-человечески пожелать здоровья и удачи вам и вашим близким. А затем, учитывая специфику наших общих интересов, - продолжать интересоваться всем новым и неизвестным, не терять здорового любопытства и оптимизма, глубже погружаться во вселенную БТ и... учиться, беря из неё всё наилучшее, что она может дать. А дать она может очень много, как и любая качественная литература. И я постараюсь внести свой небольшой вклад в то, чтобы ещё один кусочек этой вселенной открылся для русскоязычных фанатов БТ.

С Новым Годом! С Новой Книгой!

Battletech book series #61.
Loren L. Coleman «Storms of Fate»
Copyright © 2002 by FASA Corporation
Перевод: Сергей Мартыненко.

Библиотека Battletech © 2009- www.cbtbooks.ru
Форум: <http://www.forums.cbtbooks.ru>
Редактор, верстка: *Леонид Шагидуллин aka Leonid*
Художник обложки: Fred Gambino
Русификация обложки: Андрей Кулешов aka rCS_Darkside

За помощь в переводе этой книги, мне бы хотелось поблагодарить всех тех, кто явно или нет, помогал в переводе этого романа. Спасибо Лорену Л. Коулмену за эту книгу.

Внимание!

Эта электронная книга не предназначена для коммерческого использования! Приобретите лицензию у правообладателей: Catalyst Game Labs™.

Проект «Библиотека Battletech» является некоммерческим, создан с целью исправления русских текстов и переводов. При размещении данной книги на каком-либо ресурсе, просим указывать ссылку на страницу «Библиотеки Battletech».

Настоятельно рекомендуем Вам читать эту книгу при разрешении монитора не ниже 1024x768 пикселей, с частотой смены кадров для ЭЛТ монитора не менее 85 Гц. Не забывайте делать перерывы каждый час не менее чем на 10 минут. Несоблюдение данной рекомендации может повлечь ухудшение зрения и головные боли. Оптимальным представляется чтение с экрана ЖК-монитора с диагональю не менее 17". Лучше всего, если он имеет функцию Pivot (поворот экрана на 90 градусов в портретную ориентацию).

В качестве дополнительного материала к чтению рекомендуются:

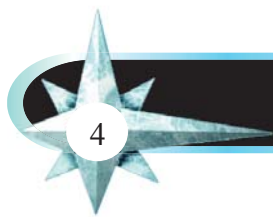
10974 - FC_CivilWar
10976 - FM Updates
10977 - FM Mercs

Лорен Коулмен. Ураганы судьбы

Глава 1.....	5	Глава 16.....	
Глава 2.....	10	Глава 17.....	
Глава 3.....	16	Глава 18.....	
Глава 4.....	19	Глава 19.....	
Глава 5.....	24	Глава 20.....	
Глава 6.....	31	Глава 21.....	
Глава 7.....	36	Глава 22.....	
Глава 8.....	40	Глава 23.....	
Глава 9.....	42	Глава 24.....	
Глава 10.....		Глава 25.....	
Глава 11.....		Глава 26.....	
Глава 12.....		Глава 27.....	
Глава 13.....		Глава 28.....	
Глава 14.....		Глава 29.....	
Глава 15.....		Глава 30.....	

Глоссарий

Карты	
Словарь	
Техника	

Для Морт и Джуди Вайсман. Это было честью.

Благодарности

Просто удивительно, какие изменения могут произойти за такое короткое время. Пока задумывалась и писалась данная книга, FASA решила закрыть свои двери, а право собственности на BattleTech® было продано WizKids Games, и приблизилось то, что казалось концом этой сюжетной линии (но не концом BattleTech®). Так или иначе, этот переходный период был смягчён следующими замечательными людьми.

Я бы хотел выразить свою признательность Джордану и Доуни Вайсман, Россу Бэбкоку, Морт Вайсман, Донне Ипполито, и Майе Смит за их дружбу и поддержку. А также всем тем, кто помогал сделать FASA тем, чем она была: Рэндалу, Брайану, Майку, Шерон, Крису, Анна-лайз, Ретту, Джил, Сэму, Дэну, Диане, Джиму, Фреду и всем остальным, с которыми мне не удалось познакомиться настолько хорошо, как того бы хотелось.

Отдельная благодарность остальным из «Последней Пятёрки», каждый из которых способствовал тому, чтобы привести Гражданскую Войну к завершению¹. Рэндалу Биллсу, Блейну Парду, Тому Грессману и Крису Хартфорду. И Майку Стакполу, их постоянному другу.

Особая признательность моему агенту Дону Маассу, который всегда облегчает мне работу. И поздравления по поводу новой книги!

Целую свою семью — Хезер, Талона, Коннера и Алексу.

Отдельно следует упомянуть и котов — Румора, Рейнджера и Хаоса, которые спят на солнышке, пока я пишу эти строки. Иногда я задумываюсь, не слишком ли вы переоценены, ребята? (Я поплачусь за это).

¹ Это всё писатели, которые потрудились над книгами о гражданской войне.

Мартовские иды

1

*Авалон-сити, Новый Авалон
Марка Круцис
Федеративные Солнца
6 марта 3064 г.*

Пресс-центр представлял собой совокупность комнат, упрятанных в самой отдалённой части одного из крыльев дворца Дэвионов. Там пахло затхлым сигаретным дымом и дешёвым кофе, запахами, которые у архонт-принцессы Катрины Штайнер-Дэвион всегда ассоциировались с нервным напряжением политических обозревателей. Она представила эту вонь, тянущуюся за ними через тайные встречи с анонимными информаторами в потогонные ярусы издательских домов и в тесные кабинеты редакторов-гипертоников. Но также эта вонь проложила себе путь сюда, перекинувшись на обитые деревом стены и распространившись по дорогим коврам дворца Дэвионов. *Её дворца.*

Как будто собаки, постоянно метящие свою территорию, подумала Катрина. Полудикие псы, всегда что-то вынюхивающие по сторонам, скалящие зубы, готовые напасть при первых признаках слабости.

Вот только сегодня здесь не будет ни лязга челюстей, ни лая. Никаких стонов покусанных. Две сотни пустых кресел приветствовали её, когда она твёрдым шагом с уверенным выражением на лице вошла в пресс-комнату, оставив своих советников у двери, вне поля зрения. Съёмочная группа из двух человек с голокамерой одиноко дежурила в центре комнаты, уже записывая. Катрина выбрала тёмный флотский костюм, теплотой своего цвета оттеняющий её холодные голубые глаза; золотистые волосы были туго натянуты по обеим сторонам головы, чтобы произвести профессиональное впечатление.

По пути к столу она небрежно кивнула операторам. «Доброе утро», — сказала она таким тоном, как будто обращалась не к съёмочной группе из двух человек, а к огромной толпе.

Не то чтобы она боялась прессы. Она держала эту свору на поводке, завязывая приятельские отношения с самыми безопасными шавками и натравливая самых агрессивных друг на друга. Такая тактика работала в течение всей её жизни, оставляя журналистов на привязи по мере того, как она продвигалась к власти. Они приняли её благосклонно после того как она *позаимствовала* значительную популярность своей бабушки, произведя замену имени Катерина

— мягкого и бесцветного — на более сильное и уважаемое — Катрина. СМИ оставались с ней, когда она с Лиранским Альянсом вышла из Содружества и приняла — разумеется, неохотно, — мантию архонта. Она была олицетворением возрождения настоящего Дома Штайнеров, и неважно, что она также была наследницей и Дэвионов.

Неважно до того момента, пока ей это не понадобилось и она не обратила свои взоры на другую половину Федеративного Содружества. В то время как Виктор отсутствовал, завоёвывая славу с армией Звёздной Лиги, пресса убедила Ивонну уйти с поста регента её брата и передать власть над Федерацией Солнц Катрине.

Виктор вернулся домой с триумфом, но обнаружил себя в положении правителя без трона. Катрину удивило, что её воинственный брат-принц настолько мирно принял сложившуюся ситуацию. Такое положение сохранялось в течение года, до таинственного убийства Артура, младшего из братьев Дэвионов. Виктор недобросовестно воспользовался этой смертью, посмеив публично обвинить Катрину в причастности к убийству. Затем он собрал «старую гвардию» Дэвионов и создал стихийную кампанию протеста в Лиранском Альянсе, начав гражданскую войну ради возвращения своих престолов.

Если Катрина сделала какую-либо ошибку, то она заключалась в недооценке размеров ущерба, который её брат был способен нанести ей в Лиранском Альянсе. В конце концов, это была самая сильная основа её власти. В течение долгого времени она отказывалась даже признать ведущуюся борьбу гражданской войной, считая сторонников Виктора просто мятежниками и предателями. Такое отношение исчезло после того, как Виктор во второй волне наступления на Лиранское Содружество захватил Ковентри. Ковентри был вторым по значимости индустриальным миром во всём Альянсе, и его захват стал для Виктора как военным, так и политическим успехом, который вновь акцентировал внимание на образе Виктора как героя войны. А призвав под свои знамёна герцога Харрисона Брэдфорда, Виктор восстановил часть своего политического веса, ради разрушения которого Катрина так тяжело работала.

Кроме того, Виктор начал делать успехи и в пропагандистской войне. Чем дольше он противостоял Катрине и чем больше одерживал побед, тем трудней ей становилось сохранять поддержку общественности. Это и было причиной сегодняшней трансляции, и решения Катрины не допускать на неё представителей прессы. Эта речь должна была убедить простых граждан в том, что Катрина продолжает удерживать твёрдую — но справедливую — власть над обеими межзвёздными нациями. И неважно, что у неё пока нет свежих военных успехов, которыми можно было бы похвастаться, — если верить сообщениям, они появятся очень скоро.

А между тем обратить своё лицо к народу было настолько же важно. Возможно, даже более важно.

Катрина заняла своё место за низкой кафедрой, украшенной геральдическим изображением перчатки и солнечных лучей, гербом навечно разделённого Федеративного Содружества. Она энергично оправила края кителя своего костюма, который был выбран по той же причине. Его синий цвет апеллировал к лиранским гражданам, а каждая золотая пуговица на кители была украшена солнечными лучами Дэвионов. Это было обдуманное представление нейтральности и справедливости.

Она была готова.

Катрина сложила руки на наклонной поверхности кафедры и улыбнулась, как будто увидев друга среди воображаемых корреспондентов. Дерево под её руками было холодным.

— Спасибо вам всем за то, что вы здесь, — сказала она. — Я знаю, что много вопросов возникло относительно последних неудач, которые мы потерпели из-за претензий моего брата на власть. Несмотря на мнимую привлекательность насилия для СМИ, я знаю как сильно вы — как сильно все мы — хотели бы, чтобы ситуация была иной.

— Может быть, сегодня я смогу предложить всем надежду. — Для выразительности Катрина сделала паузу, зная, что камера снимет её тщательно созданный образ и практически мгновенно пошлёт его в миры обеих империй, находящихся под её правлением.

Система управления станциями гиперимпульсных генераторов была одним из тех достиже-

ний, которыми Катрина гордилась больше всего, на её построение были выделены значительные инвестиции. Головизионная передача уйдёт из этой комнаты в различные влиятельные прессцентры Нового Авалона всего лишь с десятисекундной задержкой, производимой по соображениям безопасности. На всякий случай. Обращение также помчалось по коммуникационному каналу гиперимпульсных генераторов, которые соединили сотни миров её двух наций, мгновенно перепрыгивая между звёздными системами и пробираясь к Таркаду — столице Лиранского Альянса и традиционной цитадели могущества Дома Штайнеров. Спустя лишь несколько мгновений после начала трансляции её слова завладели вниманием миллиардов людей. Это был пиар-манёвр, который её брат никогда бы не смог повторить.

— Уже прошло больше года с тех пор, как мой брат начал поощрять и спонсировать мятежи на нескольких мирах Федеративных Солнц и Лиранского Альянса, втянув нас в эту мрачную и горькую гражданскую войну. Если быть точным, она тянется один год, два месяца и двадцать девять дней. Я знаю. Я мучительно переживала медленное течение каждого из этих дней.

Это правда. Несмотря на все её невероятные усилия заставить Виктора замолчать раз и навсегда.

— К этому времени мы все увидели тот ужас, который мой брат спустил с цепи. Освещение событий в новостях, — продолжала она, сделав реверанс в сторону отсутствующих журналистов, — было образцовым. Это определённо помогло избежать паники, позволив держать общественность в курсе всех необходимых шагов, которые мы предпринимаем для обезвреживания угрозы и обеспечения стабильности и безопасности.

«И так», — пообещала Катрина им беззвучно, — «я уверена, будет продолжаться и впредь».

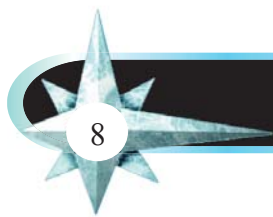
В другом крыле и несколькими подуровнями ниже дворца, лейтенант Жорж Гавриаль, младший офицер-аналитик, наблюдал за происходящим в маленькой уединённой комнате для совещаний, ранее известной как Лисья Берлога. Стена мониторов закрывала всю западную стену, каждый из них был настроен на публичное обращение архонт-принцессы, которое вытеснило из эфира гражданские выпуски новостей, периодически повторявшиеся в определённые промежутки времени.

Гавриаль потянулся над одним из дежурных техников, чтобы настроить входящий сигнал, и внезапно массив мониторов девять на девять образовал одну большую составную картину. Изображение Катрины смотрело на своих военных администраторов — бдительные голубые глаза, всегда настороже...

Большинство военных низшего офицерского чина в комнате усиленно трудились, работая с компьютерами, просеивая невероятные объёмы данных, выискивая факты, которые, будучи проверенными, накладывались на стратегические карты. Полная проекция Внутренней Сферы покрывала северную стену от пола до потолка.

Гавриаль бросил на неё быстрый взгляд. Государства Домов Куриты, Марика и Ляо, а также оккупированные кланами территории были окрашены сплошными соответствующими им цветами. Всё остальное было контуром бывшего Содружества, супердержавы созданной с помощью брака Мелиссы Штайнер и Хэнса Дэвиона, в которой Гавриаль был рождён. Словно песочные часы, сильно наклонённые на одну сторону, в которых Лиранский Альянс образовывал верхний сосуд, а Федеративные Солнца — нижний. Обе части соединяла тонкая полоса независимых звёздных систем, известных как Терранский Коридор. Звёзды заполняли обе половины подобно сияющим песчинкам.

«Также в это время», — продолжала архонт-принцесса, — «лояльные нам силы из обоих государств осуществили трудную, но превосходную работу по обузданию произвола, чинимого Виктором. По каждому миру, в котором Виктор утверждает, что он имеет там преимущество, я видела сообщения о нашем непрерывном, непокорном сопротивлении. Ковентри и Алариион будут оставаться под ним недолго. Катил и Вернке уже почти снова наши. Я не могла бы гордиться верными нам войсками ещё больше».

Гавриаль покачал головой, пытаясь сопоставить то, что он слышал, с тем, что он мог видеть сам. Одного взгляда на звёздную карту было достаточно, чтобы увидеть статус гражданской войны. Системы, поддерживающие Виктора, пылали золотистым цветом, а стоящие на стороне Катрины были спокойно голубыми. Красный означал борьбу, или, по крайней мере, жёсткую политическую конфронтацию, и красных звёзд насчитывалось больше, чем золотистых *или* голубых. Даже, как он мог видеть, важный центр Федеративных Солнц Катил начал мигать красным и золотым, показывая, что ситуация серьёзно оборачивалась в пользу Виктора. Тихонов также не выглядел хорошо, а Экстон был почти потерян, если не удастся найти подкреплений.

Катрина знала о достижениях повстанцев. Должна была знать. Гавриаль решил, что она просто не хотела тревожить простых граждан. Как будто читая его мысли, её изображение на мониторе говорило: «Искры измены могут гореть горячо там, где их ярость необузданна, но победы, приписываемые себе мятежниками, не настолько полноценны, как они хотят внушить нам. Они в основном несущественные, и эти искры скоро будут погашены».

Вверху карты, на просторах Альянса, где Виктор создал сильное массовое движение в свою поддержку, Гавриаль прослеживал траекторию движения принца. Во время первой волны действий он спустился из далёкого Могъёрода в Инаркс. Во время второй волны Виктор продолжил действия на Ковентри, ещё одном критически важном индустриальном мире. Затем, совсем недавно, он взял Аларион — поистине жемчужину третьей волны. Люди и боевая техника — вот в чём был смысл. Инаркс, Ковентри и Аларион на звёздной карте прочно удерживались чертовым золотым цветом.

«Эти планеты вряд ли были несущественными», — подумал Гавриаль. С мощью одних этих трёх планет можно было вторгнуться в Капелланскую Конфедерацию.

Где-то в другом месте марки Крузис Роксана Блейк медленно перемещалась по одной из самых больших коллекций искусства на планете Марлетт, да и вообще, как считается, во всех Федеративных Солнцах. Шеффилдская галерея города Иерихон специализировалась на контрастах, и еженедельные визиты Роксаны сюда всегда открывали ей что-то необычное. Из-за гигантских статуй казались крошечными посетители, которые, в свою очередь, сгибались над микроскопами, чтобы рассмотреть необычные образцы микронной скульптуры. Расписанные двухмерные портреты пристально вглядывались в неясные голографические пейзажи. Грубо сваренные конструкции, пахнущие нефтью и жжёным металлом, толпились за органическими, живыми экспонатами.

И вот, когда Роксана прогуливалась по залам, содержащим некоторые новые произведения, какой-то голос нарушил её размышления. «Вы всегда должны помнить, что это такая тактика мятежников — подрывать и разделять», — заявил голос, отдавая звоном по галерее. — «Также верно то, что вера и стойкость могут защитить любую нацию от подобных подрывных действий».

У поражённой Роксаны чуть не подкосились ноги. Она внимательно огляделась по сторонам, гадая, является ли это частью какого-то перформанса. Но потом она узнала этот голос, и удивилась, каким образом Катрина Штайнер-Дэвион могла оказаться на Марлетте так, чтобы об этом никто ничего не знал.

«Народ лежит в основе мощи правителя, и в вас я нашла живительный источник духовной стойкости и отваги, которые помогли мне устоять перед испытаниями этого года. Точно так же, как я знаю, и все вы боролись со своими собственными трудностями», — говорила архонт.

Оглянувшись, Роксана увидела, откуда шёл голос, так как толпа начала собираться вокруг большой инсталляции современного искусства. Прежде всего она сообразила, что это была трансляция. Два головизионных проектора были размещены внутри голографической диорамы, которая непрерывно отслеживала локальные каналы, отображая двух конкурентов на модели поля боя. Разумеется, обе станции транслировали обращение архонт-принцессы, а сцена инсталляции с помощью хитроумных программ обрастала оружием. В то время как двенадцатисантиметровые боевые мехи грохотали по горным хребтам или безразлично шагали над

мельтешащими, подобно муравьям, построениями лёгкой пехоты, одно изображение архонт-принцессы метало в другое всем, чем попало, от рубиновых лучей лазеров до молниеподобных разрядов пушек-проекторов частиц.

Роксана наблюдала, как противоборствующие Катрины вели к победе сначала одну, а затем другую сторону. Вдруг толпа понесла её прочь, по направлению к прилегающему экспонату, где она неожиданно обнаружила себя посреди завораживающего взгляд представления, между двумя взаимодействующими инсталляциями.

С одной стороны, установленная на стойке и окружённая широким свободным пространством, без рамки стояла подлинная картина одного из наиболее противоречивых талантов Лиранского Альянса. Люди толкались у стеклянных стен, но рост выше среднего позволял Роксане рассмотреть экспонат с расстояния в несколько шагов позади толпы. Как обычно, работа Реджинальда Старлинга увлекла Роксану в его жестокий мир, и, когда она уловила суть картины, то почувствовала, как по спине пробежал холод. Она нервно украдкой взглянула назад, на диораму.

Вокруг неё другие посетители делали то же самое, смотря туда-сюда и сравнивая две работы. Разрозненный шёпот перешёл в возбуждённый гул, с тыканьем пальцами и громкими сравнениями искажённой человеческой фигуры, находившейся на картине, и сражающихся голограмм. Лицо на картине выглядело искривлённым, как будто находилось за огненной дымкой, но ледяные голубые глаза за ней выглядели безупречно, равно как и длинные золотистые волосы. Для передачи реальности этого художнику, несомненно, было достаточно; всё остальное тело фигуры он испещрил широкими мазками красного и чёрного. В некоторых частях картины красная краска была намазана на холст настолько густо, что выглядела как запёкшаяся кровь.

Всё это крайне подходило под название экспоната. «Кровавая Прицесса VI», — гласила надпись.

«Требуется определённая сила характера, чтобы защищать свои идеалы», — заявило изображение Катрины, разрывая своего близнеца на куски огнём автоматического оружия. — «Чтобы отстаивать правду, опровергать ложь и низвергать то, что не является благотворным».

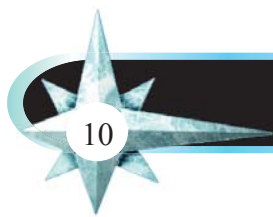
На расстоянии многих световых лет, в отдалённой марке Капелла Федеративных Солнц сержант Престон Дэвис из похоронной команды Пятнадцатого Денебского полка отдыхал у приземлившегося АБВП, холодок тени которого обеспечивал хоть какое-то спасение от полуденного солнца планеты Тихонов.

Битва прошла по долине реки Ретцин часы назад, но здесь всё ещё оставались «военные обстоятельства», требующие внимания. Почёсывая нос сквозь хирургическую маску, которую он носил, Дэвис пристально разглядывал опустошённую местность и слушал завершающую часть прямой трансляции обращения Катрины Штайнер-Дэвион.

«Поэтому мой призыв к каждому из вас», — говорила она, — «оставаться непреклонными в эти трудные времена. Возложить свою веру на меня, и друг на друга. И, превыше всего, — поддерживать верноподданные войска Лиранского Альянса и Федеративных Солнц, чтобы оба государства могли выдержать это испытание. Они заслуживают вашей поддержки. Они заслуживают намного лучшего, чем то, что выпало на их долю за последний год. Не заслуживаем ли лучшего и все мы?»

Дэвис уложил один конец своей ноши в паллет, похожий на чёрный нейлоновый мешок длиной в человеческий рост, кивнул капралу, чтобы тот помог с другим. Слушая Катрину, он ворчал в ответ, перемещая взгляд по разорённой округе.

Там, где раньше река спокойно огибала излучину, теперь воды ударяются о груды искорёженного металла, который направляет реку стремительным потоком в обратную сторону. В русле, лицом вниз, лежит тело павшего «Атласа», формируя своеобразную дамбу, и только его правое плечо и обрубок руки покоятся на берегу. На расстоянии броска камня вниз по тече-

нию лежит опрокинутое судно на воздушной подушке «Пегас», до сих пор дымясь там, где в горячем металле, над мутной водой, зияет дыра.

Как и любое другое поле сражения, которое доводилось видеть Дэвису, это было усыпано телами нескольких дюжин мехов и взорванными бронетранспортом. Осколки брони вонзились в исковерканную землю, а деревья были повалены или просто раздавлены под весом чудовищных военных машин. Он был рад видеть, что большая часть металлических останков принадлежали союзникам Виктора Штайнера-Дэвиона, а не лоялистам Катрины, но и последних было не намного меньше. Земля была испачкана хладагентом, топливом и кровью. По направлению на северо-запад уходили углубления следов боемехов — немногие из оставшихся в живых возвращались в свой район сосредоточения.

Единственными живыми людьми на поле боя оставались солдаты Пятнадцатой компании Денебских гробокопателей. Раненые и оставшиеся без мехов были уже эвакуированы, и никто из генералов не собирался осматривать это место. Дэвис и остальные носили маски, наподобие хирургических, частично для того, чтобы блокировать едкое зловоние топлива и сожженной земли, но больше для того, чтобы задерживать запах кровавой бойни, который всегда сопровождал их работу.

Его люди усердно работали, высматривая останки воинов, находящихся вне кабин мехов и подорванных танков, и затем перетаскивая их в тень старой «вертушки», где остальные в командах по два идентифицировали каждое тело и прикрепляли бирки к ногам. Из кабины вертолёта по радиосети вооружённых сил громко трубило обращение архонт-принцессы. Большинство из гробокопателей старались не слушать, так же, как они старались и не смотреть

Дэвис знал, что это часто лучше, чем забывать. Тогда засыпать легче.

Но голос Катрины продолжал звучать громко и чётко.

«И я обещаю вам, храбрые люди, защищающие нас, чтобы мы могли и дальше жить свободными от зла, что вы не будете забыты. Вы никогда не будете покинуты. И мы вернём вас домой», — пообещала она, — «здоровыми, неведимыми и долгожданными.

И да поможет мне Бог».

2

Равнины Солсбери, Йорк

Провинция Аларион

Лиранский Альянс

13 марта 3064 г.

Отступление союзных сил Виктора Штайнера-Дэвиона с Йорка происходило уже более двадцати пяти часов, держась лишь благодаря решительности. Стянутый ремнём в душной кабине своего «Даиси», он старался сдерживать влагу, жгущую уголки глаз. Испарина промочила его лёгкую одежду, и один надоедливый локон светлых волос зацепился за кончик левого уха,

как раз там, где громоздкий нейрошлем не давал его почесать. Конденсат от испарившегося пота затуманил армированное стекло кабины, но он мог видеть достаточно, чтобы понять, что его люди практически достигли своего предела.

До того, как его загнали в эту последнюю напряжённую битву, ему нравилось соломенное небо Йорка и то, как в нём, казалось, отражаются золотистая земля и высокие, пероподобные жёлтые травы равнин Солсбери, протянувшихся на сотни километров во все стороны. Теперь же аэрокосмические истребители разорвали это небо на части следами пара и грязным, чёрным дымом, тянущимся за горящим кораблём. Подчас одно звено из двух истребителей спускалось достаточно низко, чтобы оказать поддержку с воздуха, вмешиваясь в более медленный, но не менее жестокий наземный бой, где 11-ый Арктуранский гвардейский полк продолжал теснить редеющие силы 244 дивизиона Комстара, солдат принца...

Последние силы Виктора.

По обе стороны поля боя встали боевые мехи, шагающие титаны, самое смертоносное оружие, известное человечеству за всю историю войн. Между и вокруг их позиций в изменчивом танце кружилось множество бронированных машин, словно стадо диких животных, напуганное хищниками. Длинные толстые лучи лазерного огня и белые горячие дуги выстрелов пушек-проекторов частиц обозначали короткие, но свирепые столкновения между союзниками и врагами. Рои ракет оставляли за собой серые следы, бомбардируя броню, землю, соединения пехоты. Языки пламени вырывались из дымящихся орудий — громовые свидетельства работы множества автоматических пушек, с непрекращающимся грохотом бьющих по равнинам.

В позиции Виктора прогремел шум, затем рассыпался на сотни отголосков, кувалдоподобные удары пуль с урановым наконечником сотрясли ноги и низ груди его омнимеха. «Даиси» задрожал, некоторые части его брони посыпались на землю дождём остроконечных обломков. Он крепко сжал джойстики управления меха, пытаясь удержать перекрестие прицела в пределах «Кинг Краба», управляемого вражеским командиром Линдой Макдональд. Крест визирных нитей в судорогах бился по тактическому экрану, сенсоры показывали лишь частичный захват цели.

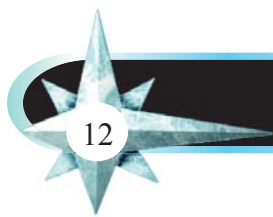
Виктор знал, что это придётся сделать.

Нажав на основные гашетки, он дал волю всей ярости «Даиси». Его двенадцатисантиметровая автоматическая пушка промахнулась далеко вправо, но огонь лазера достиг цели. Один рубиновый луч разрезал болезненную рану в левой части «Кинг Краба», а второй вонзился глубоко в руку на той же стороне. Три импульсных лазера выплюнули шквал изумрудных вспышек, обозначая атаку на левую ногу меха. Броня у Макдональд практически исчезла, испарившись горячим туманом. Ещё больше влилось в огненный поток по ноге её меха, просачиваясь сквозь бронированную оболочку, которая защищает коленный сустав, чтобы повредить силовую установку ноги. За этим вонзились шесть ракет ближнего действия, чтобы выдолбить ещё парочку воронок в броне «Кинг Краба».

Макдональд зашаталась, удерживая прямо своего стотонного монстра настолько же благодаря удаче, насколько и благодаря мастерству. Она собиралась сделать шаг, большинство веса её меха уже находилось на правой ноге. Виктор мог представить, как она изворачивается в своём кресле, резко загибая голову вправо, чтобы нейрошлем мог перевести её чувство равновесия в сигнал, который был бы передан гироскопу машины.

Сигнал тревоги зазвенел в его ушах, в том числе неприятный пронзительный рёв, предупреждающий об остановке реактора. Чрезмерная выработка энергии, вызванная потребностями вооружения, превысила возможности усовершенствованной технологии теплоотведения термоядерной установки «Даиси». Виктор переключил тумблер, отключая режим обеспечения безопасности.

Но ничто не могло помешать мощной волне изнуряющей жары, просачивающейся сквозь физическую оболочку реактора вверх через пол кабины. Эта волна, казалось, жарила его живём, сжигая обнажённую кожу на ногах и руках, а зрение делалось нечётким из-за гипертермии. Виктор с трудом ловил воздух. Специфический запах озона от перегревшейся электроники обжигал ноздри. Его жилет жизнеобеспечения, испещрённый тонкими трубочками, по

которым циркулировал охладитель, работал всюду, чтобы поддерживать температуру его тела в безопасных границах.

— Генерал, термальное изображение вашего меха показывает очень нездоровый жар, — в наушнике Виктор услышал слова вице-регента Рудольфа Шакова, идущие по кристально чистой передаче.

Вглядываясь через щит из армированного стекла, Виктор мог видеть маслянистый дым от сожженной мускулатуры из миомера, поднимавшийся вверх вдоль обращённой вперёд головы «Даиси». Он уже повернул назад, но перегретая жарой миомерная мускулатура омнимеха реагировала вяло. Медленными, осторожными шагами он тащился в обратном направлении, со скоростью, с которой мог перемещаться любой выносливый пехотинец.

Он использовал несколько секунд — а это вечность во время горячей битвы — чтобы осмотреть театр военных действий. Солдаты принца всё ещё держали тесный строй, медленно отступая на юг, где в резерве с нетерпением ожидал батальон его Иностранного Легиона. Прозвижение отступления с боем было одной из самых трудных стратегий, а войска Виктора на Йорке сейчас были вовлечены в выполнение двух таких манёвров. Далеко на юго-западе, Шестой Круцисский уланский полк отходил аналогичным образом под совместным давлением ополчений аларионского и карлайсловского провинций.

Если бы силы были равными, войска принца и уланы — вместе или отдельно — вероятно, могли бы победить атакующую сторону. Даже соотношения один к двум было бы достаточно, принимая во внимание, что Одиннадцатый Арктуранский гвардейский полк и аларионское ополчение были плохо подготовлены для ведения регулярных боевых действий.

С одной стороны, превосходящие силы противника добились успеха просто потому, что они напали на Йорк в количестве, достаточном, чтобы компенсировать нехватку выучки. Но ирония состояла в том, что Виктор никогда не собирался воевать здесь. Йорк должен был быть только удобной базой для решающего наступления третьей волны. Битва должна была вернуться на Аларионе, в столице округа и месторасположении космических доков Альянса. Но неожиданно лоялисты позволили Алариону пасть без борьбы, а вместо этого бросили свои силы на Йорк, туда, где Виктор меньше всего их ожидал. И в результате он был выбит из своих укрепрайонов на равнины.

Атака лоялистов также разрушила изящество его действий. Ошибка, допущенная здесь любым из союзных подразделений, будет иметь разрушительные последствия. Жёсткие, плоские и открытые равнины Солсбери были неумолимы. Здесь даже нельзя было разжечь нормальный степной пожар, чтобы спрятаться в дыму. Влажная трава тлела, но гореть отказывалась.

Единственное, из чего можно было извлечь преимущество, — это неглубокие впадины и иногда встречающиеся невысокие холмы, где могли спрятаться отряды пехоты. И Виктор использовал то, что имел. Пара «Слов» уже притаилась за сенсорной сетью «Цезаря», устанавливая противомеховые мины в его промежуток, пока он шагал над ними. Тиарет, начальник его службы безопасности и телохранитель, также была где-то там, снаряженная в свои доспехи элементала и досаждающая Арктуранской гвардии постоянными набегами. Этого было достаточно, чтобы замедлить продвижение врага. Это в совокупности с решительным сопротивлением могло позволить им всем спастись.

Виктор повернул своего «Даиси», чтобы держать под углом атаки Линду Макдональд, которая ковыляла назад, под прикрытие своих войск. Её «Кинг Краб» был грозной машиной, но с искалеченной ногой он мог пожалеть, что не обладает более лёгкой и быстрой композицией. Как, например, «Экстерминатор» Шакова, который начал бег по направлению к ней по открытой местности, открыв огонь. Его четыре средних лазера не имели шансов попасть в цель на такой скорости и на таком расстоянии, подходя к ней наперерез, но поразить мех противника удалось ракетам дальнего действия.

— Убирайся оттуда, Рудольф, — с трудом произнёс Виктор, его горло было ободрано и кровоточило из-за дыхания горячим воздухом. — Не играй в игры с этим «Крабоном».

Термоядерные сопла зажглись на спине «Экстерминатора» — Шаков включил прыжковые

двигатели. Шестидесятипятитонный мех поднялся в воздух на столбах раскалённой плазмы, взмыл, как ракета, и по короткой дуге опустился в стороне, слева от меха Виктора, разработанного кланами.

— Нужно с вами поговорить, сир, — сказал Шаков. — Вы обещали Тиарет, что будете осторожны. Она и регент Ирелон вместе приказали мне следить за этим. А вы пытаетесь создать мне проблемы.

Виктор не мог сдерживать улыбки. Рудольф Шаков был одним из немногих представителей Комстара из виденных им, которые могли похвастаться наличием чувства юмора.

— Мы посмотрим, сколько у тебя возникнет проблем, когда Ирелон посмотрит мои записи боя и увидит, как ты выделяешься на тяжелом мехе, — погрозил он. — Оставайся на своём месте.

По мере того, как его теплосъёмники наконец-то начали отводить избыточное тепло, Виктор осторожно опробовал своё лазер на постоянно наступающих Арктуранских гвардейцах. Ответный огонь ослабел после временного отступления Макдональд, хотя случайные мелкокалиберные снаряды автоматических пушек продолжали беспокоить его броню. Он приказал своему огромному доспеху пройти ещё пять сотен метров. Когда его тыльный монитор показал, что небольшая группа вооружённых лазерами пехотинцев забирается в транспортный аппарат на воздушной подушке, присоединяясь к отступающим, он сбился на более медленный шаг. Его ни в малейшей степени не интересовали никакие обязательства, который он сделал, обещая заботиться о себе. Он не оставит людей позади себя. Не тогда, когда спасение было уже близко.

Он включил увеличение на тыльном мониторе. Южнее, далеко за солдатами принца, ряд тёмных, округлых теней на горизонте создавал иллюзию гор. Как раз когда Виктор смотрел, яркое сияние вспышки двигателя отделило одну из теней. Она медленно поднялась в тусклое небо на колонне термоядерного огня. Ещё две, а потом и третья, присоединились к ней. Четыре гигантских транспортных корабля были второй группой, которая избежала удавки, затягивающейся вокруг его войск. Они были на пути к ожидавшим их прыгунам.

— Удачи, — тихо пожелал Виктор, зная, что им ещё предстояло прорвать кордон вражеских истребителей и штурмовиков посадочного класса. Его солдаты были хорошими мужчинами и женщинами, которые заслуживали лучшей участи, чем платить такую высокую цену за то, что его стратегия не сработала. Кроме того, он не мог себе позволить потерять их, если надеялся когда-либо расправиться с тираническим правлением Катерины. Хотя он мог и не получить шанса сделать это вообще, если сам не выберется из этой западни.

Система связи затрещала вновь.

— С Богом, и защитите принца, — услышал он чьи-то слова. Голос был слабым, прерываемым помехами из-за большого расстояния. Виктор сверился с хронометром, думая, что первая волна посадочных кораблей, покинувших Йорк, должно быть, к этому моменту уже достиг своего пункта назначения.

— Шаков, это был... — активируемый звуком микрофон открыл канал, а программа опознавания голоса Комстара настроила приватную частоту с Шаковым.

Последовала короткая пауза, пока «Экстерминатор» Шакова выстрелил из четырёх лазеров среднего класса по танку на воздушной подушке «Плэйнсмен», подобравшемуся слишком близко.

— Верно, — сказал Шаков. — Это был капитан Фароса, одного из уланских прыгунов. Я поддерживал связь на трёх других каналах. Они чисты!

Это означало, что два посадочника «Геркулес» прорвали аэрокосмический кордон. Восемьсот мужчин и женщин из 6-го уланского полка Круциса свободны! Виктор вручную настроил общий канал.

— Первый транспорт ушёл, — выкрикнул он, и был вознаграждён потоком поздравлений, которые наполнили эфир на несколько долгих секунд. Его также наградили зрелищем усилившегося огня по линиям Арктуранской гвардии, которая его солдатами была откинута назад. Виктор внёс свой вклад в краткое контрнаступление двумя продолжительными лазерными выстрелами, поразив «Кинг Краба» на самой границе дальности действия оружия. Прилив жары на этот раз был едва заметен.

— Это работает, — отметил он, его настроение поднялось впервые с момента, когда Йорк атаковали лоялисты.

— Придерживайся этой мысли, — предупредил Шаков, зная достаточно, чтобы не использовать общий канал. — Пришло новое сообщение, от Крэнстона, и на этот раз новости нехорошие.

Джерард Крэнстон был одним из самых старых друзей Виктора, а также начальником его разведки. Сейчас он командовал вторым батальоном Иностранного Легиона, пресекающего попытки войск Катерины обойти с флангов. До того они получили сведения о возможной высадке на Йорке нового соединения. Если Джерри нашёл его, и оно оказалось лоялистским, то новости действительно были очень плохими.

Виктор хотел потребовать больше информации, но сдержал себя. Его часто поражало, каким образом вице-регент Шаков узнавал о входящих сообщениях ещё до того, как сам Виктор слышал что-либо по своим командным каналам. Возможно, это удавалось Шакову благодаря его долгой службе в Комстаре, одной из двух организаций, которые поддерживали и управляли гиперимпульсной системой связи Внутренней Сферы. Этот человек в первую очередь был мехвоином, но его возможности по связи во время боя иногда граничили с невероятным.

— Крэнстон заблокирован, — доложил Шаков, — но у меня достаточно сведений, чтобы описать вам его положение. Иноземный Легион только что столкнулся с ещё одним полком, повторяю — *полком*. Первый Аларионский егерский полк.

— Ещё один полк. Как, чёрт возьми, мы это пропустили? — проворчал Виктор, а тем временем Арктуранская гвардия шла вперёд с новой силой. Получили ли они только что тоже новости о прибывшем подкреплении?

— Они не могли появиться в точке надира с другими, — сказал Шаков. — Иначе бы мы не пропустили их. Они вышли из пиратской точки на другой стороне планеты. Виктор, у них есть боевые корабли.

— Боевые корабли? — переспросил Виктор. — Во множественном числе? То есть их больше, чем один?

— Именно так. Два корвета класса «Фокс». Достаточно, чтобы сдержать «Мелиссу Дэвион», — сказал Шаков, назвав единственный боевой корабль Виктора в этой дислокации. — Определённо, настало время вам уходить.

Виктор проигнорировал это замечание. Визир его прицела загорелся тёмно-золотой отметкой о захвате цели, и он выстрелил, нанеся две серьёзных раны танку на воздушной подушке «Фалькрум». Одиннадцатый полк снова пошёл вперёд.

— Забудь об этом, — сказал Виктор, бесполезно потирая воротник своего нейрошлема. Его шея занемела от удержания веса нейрошлема в течение многих часов. Ещё предстояло совершить две эвакуации. Спасти людей. — Мы ещё не закончили здесь.

— Вы закончили, — сказал новый голос.

Виктор без труда узнал скрипучие интонации регента Раймона Ирелона, который в настоящее время залечивал сломанную ногу, и находившегося на командном посту Виктора в укрытом отсеке одного из посадочных кораблей на горизонте.

— Вы оставили меня на стратегическом командовании, и сейчас я использую своё право *приказывать* вам покинуть поле боя. Если это для вас что-нибудь значит, Джерард Крэнстон и полковник Вайнман согласны. Вы должны явиться на «Истинный Дух» для немедленного отбытия.

— Тогда мы уходим все, — ответил Виктор как раз когда навёл перекрестье прицела на глыбистый контур старого «Ягермеха» JM6. Оба рубиновых лазерных луча попали ему точно в грудь, пробиваясь сквозь последний слой разрушенной брони «Ягера» и наполняя полость его туловища разрушительной энергией. Цветок тепла на термальном сканере Виктора показал, что двигатель повреждён, но недостаточно, чтобы опрокинуть машину. «Ягермех» отступил. — Мы разворачиваемся и бежим под прикрытие посадочников.

— Как только вы уйдёте с рубежа, я подумаю над этим, — сказал Ирелон. — вице-регент

Шаков, ваши люди будут сопровождать принца.

Ожидая, пока перезарядятся лазеры, Виктор отвлёкся на секунду, чтобы примерно оценить силу 11-го полка.

— Плохая мысль, Раймон. Если ты уберёшь треть своих сил, гвардейцы окружают остальных и порвут их на куски.

— У них будут свои проблемы. По моей команде вице-регент Халинджер нанесёт превентивный удар, нацеленный на полковника Макдональд. Если ты уйдёшь, Виктор, я смогу сконцентрироваться на том, чтобы вернуть домой как можно больше людей.

Виктор ударил кулаком по панели управления, повредив руку о металл. В ярости он едва почувствовал боль.

— Чёрт возьми, Ирелон. Если ты думаешь, что я собираюсь бросить этих людей...

— Ты сделаешь это, — прервал его Ирелон, — потому что это необходимо сделать. Ты сделаешь это, чтобы предотвратить бессмысленную гибель хороших мужчин и женщин. И ты сделаешь это потому, что нет больше никого, за кем бы мы все пошли, чтобы противостоять твоей сестре.

Последний аргумент Ирелона дошёл до Виктора, туда, куда бы не дошли никакие другие слова. Это было так легко — положить себя в огне битвы, доказать свою преданность мужчинам и женщинам, сражающимся на его стороне. Но у Виктора также была ответственность перед гражданами Лиранского Альянса и Федеративных Солнц, перед мирами, которые подняли открытые восстания против Катерины, и перед солдатами, на которых падёт её гнев, если он не сможет повалить её власть раз и навсегда.

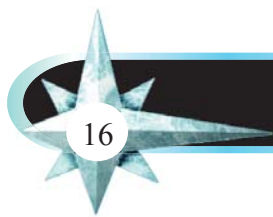
Ирелон был прав.

— Чёрт побери, — прошептал Виктор, его голос задышался от гнева.

Поворачивая шею вперёд и нажимая на педали, на тугих шарнирах он развернул свой «Даиси», направляя его прочь из битвы, прочь от судьбы его воинов, до того как он мог изменить своё решение. Он мчался к удалённому пристанищу своих транспортников со скоростью более чем пятьдесят километров в час, и каждый глухой шаг отдавался эхом поражения в ушах.

Йорк был потерян. Жизни, отданные на его защиту, отданные на проведение этого вынужденного отступления, отданные в обмен на его безопасность — были также потеряны для него. Это его убивало. Что ещё хуже, это ставило перед ним вопрос, который постоянно его изводил.

Сколько ещё потерь ему было суждено пережить, прежде чем эта война будет окончена?

*Имперский город, Люсьен
Пеишский военный округ
Синдикат Драконов
15 марта 3064 г.*

Оми Курита неторопливым шагом шла по выложенной плиткой тропинке своего дворцового сада, — иллюстрация достоинства и напускного спокойствия, вопреки беспокойству, терзающему сердце. Сегодня она одела кимоно из нефритово-зелёного шёлка, небрежно собранное на талии золотистым оби, и благоухание сада манило её вперёд, а нижняя юбка щекотала верх ноги, обутой в сандалии.

Отвлечься. Вот чего она хотела. Что-то занимало её разум, вызывало внутреннее смятение по поводу последнего сообщения Виктора. Оно было большим, чем страстное желание и чем боль, которая постоянно приходила с напоминаниями о том, сколь многое их разделяло. Это было большим, чем пропасть между их культурами или враждующие династии, в которых они были рождены. Это было чувство разочарования и неудовлетворённости от того, что она была слишком далеко, чтобы разделить его ношу. Бремя гражданской войны так сильно давило на *сейшин* Виктора — его дух — что она почти могла слышать напряжение в каждом слове, которое он записал для неё.

— *Сколько ещё мы потеряем, Оми?* — спрашивал он. — *Сколько уже было потеряно?*

Оми не могла забыть обеспокоенный взгляд его серо-голубых глаз. Хотя её брат Хохиро утверждал, что поражение на Йорке не было стратегически значимым, Виктор воспринял его тяжело. Её брат, разумеется, не мог этого понять. В Синдикате Драконов обязанностью самурая было служить и, если необходимо, умереть ради государства — Дома Курита. Виктор же воспринимал свои потери гораздо более близко, и Оми знала, что ведение гражданской войны против своего собственного народа лишь усугубляло положение.

Но было ещё кое-что. Она понимала, что его вопрос на самом деле заключался в том, сколько ещё раз они будут вынуждены жертвовать своими личными отношениями ради нужд и обязанностей своих прав по рождению? Он страшно по ней скучал, она знала это. В Могьёроде они лишь хотели оставаться вместе, но война позвала его прочь. Теперь Виктор боялся, что их любовь была невозможна. Оми была одной из немногих людей, которым он мог верить. И даже когда он пытался скрыть свою боль или свой страх, он не мог сделать этого. Не от неё. От неё — никогда.

Свои собственные горести она спрятала, во благо всех, кроме себя самой. Сообщение Виктора растеребило боль, и она не могла ясно думать. Если она намеревалась когда-нибудь найти способ ответить ему, ей было необходимо занять себя каким-либо делом, не требующим напряжения рассудка.

Её Дворец Безмятежного Прибежища мало что мог предложить в этом отношении. Она никогда не интересовалась додзё, оставляя их агентам, приставленным к ней службой внутренней безопасности и Орденом Пяти Столбов. Кроме того, вторжение в деловые кабинеты О5С вызвало бы слишком большие разрушения, чтобы их можно было позволить ради таких эгоистичных побуждений. Она могла бы поискать Изис Марик, которая занимала комплекс апартаментов в Дворце Безмятежного Прибежища, но это также было бы эгоистично. Изис до сих пор горевала по поводу разрыва отношений с Сунь-Цзы Ляо и потери своего места в Лиге Свободных Миров. Оми не хотела обременять Изис ещё больше. Бедная девочка заслуживала немного покоя, чтобы вновь найти себя после стольких лет вынужденных скитаний.

И поэтому Оми пошла побродить в сад. Весенние розы карабкались по стенам дворца, забрызгивая полированные камни цвета слоновой кости своей кроваво-красной краской, хотя рано цветущие настурции почти вытесняли их запах. Она радушно принимала тёплые касания полуденного солнца, пальцы которого облегчали напряжение в её спине и плечах. Она улыбнулась, когда солнечный свет вспыхнул вдоль рукава её нефритового кимоно — богатство шёлка так необычно контрастировало с этим простым окружением.

Впереди престарелый служитель дворца полировал плитку соломенной метлой, наверняка сделанной его собственными руками. Сухие взмахи его кратких, решительных движений напомнили ей о звуках, производимых дворцовыми садовниками, когда они сгребали граблями гальку, формируя клумбы изумительных очертаний.

Сад Дзен всегда был одним из её любимых убежищ, и она проводила здесь больше времени, чем где бы то ни было ещё, с тех пор как вернулась в Синдикат Драконов и на Люсьен. Даже больше времени, чем в Дворце Единства, месте сосредоточения власти Дома Куриты, — несмотря на тяжёлые страдания её отца. Она и Хохиро очень хотели взбодрить его, но понимали, что великому Теодору Курите нельзя было показывать себя зависимым от кого бы то ни было, поэтому они держались в стороне. Даже периодические игры с внуком не помогали унять горе координатора, — ребёнок в дворце постоянно напоминал ему о потерянной жене. Поэтому Минору забрал ребёнка.

Так много потерь, даже в её семье... Было ли это ответом на вопросы Виктора? Или ответом для Оми, объясняющим, каким тяжёлым ударом стала для её отца потеря жены? Честь Курита осталась незапятнанной и семья сохранилась, но знать, что Дракон — координатор Синдиката Драконов и избранный Первый Лорд Звёздной Лиги — был сломлен событиями, находящимися вне его власти, даже если только на какое-то время...

Но ей бы не пришлось ничего из этого объяснять Виктору. Он всё понимал без слов. Если бы это было выше его понимания, они бы никогда не полюбили друг друга. А они полюбили. Вопреки предрассудкам и разуму, они полюбили.

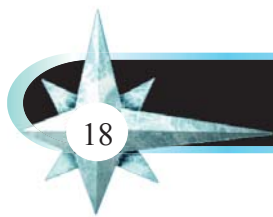
Оми подошла к дворнику. Старик отступил назад и преклонил колени, его измученные артритом колени громко хрустнули. Он положил свою грубо смастерённую соломенную метлу перед собой и поклонился, касаясь головой земли. Оми подумала о том, чтобы остановиться и сказать ему пару вежливых слов, но она знала, что то, что его заметили, только напугает этого простого человека. Поэтому она лишь кивнула в благодарность за его службу. Он не увидит этого, но поймет, что она сделала это.

Принятие. Понятие, являющееся настолько же неотъемлемым элементом самурайской культуры Синдиката, как честь и долг. Так много трагедий, думала Оми, вспоминая как свою семью, так и семью Виктора. Так мало награды. Вот что значило быть рождённым в одном из правящих домов Внутренней Сферы. Она принимала это. Виктор тоже, несмотря на его слушающиеся время от времени попытки поработать над созданием «совершенной» вселенной. Она не смогла сдержать грустной улыбки. В Синдикате верили, что несовершенство было тем, что на самом деле и определяет жизнь.

Именно это также привлекало внимание Оми к беспорядку её садов.

У северо-восточной стены, где полуденное солнце светило в течение всего года, находились клумбы, которые Виктор посадил и за которыми лично ухаживал во время первых месяцев своего изгнания. Оми хорошо помнила то время, поскольку она поделила с ним боль потери его империи в пользу сестры. Без народа — без какой-либо настоящей политической значимости во Внутренней Сфере — он удалился на время в её дворцовый сад, чтобы работать своими руками на земле и поразмышлять о своей жизни и о своём будущем. Периоды таких раздумий в культуре Синдиката были почти священными. Оми однажды поклялась, что никогда не будет жалеть, если придётся разделить с Виктором своё тело или свой дух, и она сдержала своё обещание в те дни, когда он почтил её своим решением быть с ней рядом.

Настурции, кстати, были его. Посаженные в частичной тени весенних роз, окружённые клумбой из битого белого мрамора, их яркие цвета привлекали глаз всюду, где на них падал

прямой солнечный свет. Их сильный аромат мог быть чрезмерным, даже головокружительным. Они были *прямыми*, таким же предпочитал быть и Виктор, всегда, когда это было возможно. Они также были сильными и великодушными. Точно таким же был и Виктор.

— Возьми это, — сказал он, когда они расставались на Могьёроде, до сих пор потрясённые неудавшимся покушением на её жизнь. Виктор держал в руках камень *натами*, который она подарила ему на Рождество год назад. Тот, который он назвал Путь Воина.

Оми попыталась отказаться.

— Он должен остаться с тобой.

Виктор улыбнулся и покачал головой.

— Он заслуживает иметь дом. Место, где мог бы чувствовать себя уютно. Для меня такое место было бы всегда рядом с тобой. Положи его в саду на Тукейиде, где ты его впервые дала мне. И если ты вернёшься на Люсьен, разместить его между настурций у своего дворца, в тенистом уголке.

Он по памяти выбрал прекрасное место. Тот камень был насквозь пронизан ниточками красновато-синего кварца, который блестел, ловя случайный солнечный луч. На нём также была зигзагообразная линия из зёрнышек кристалла, тянущаяся по пустой поверхности, названная Виктором «тропой слёз». Оми часто доставала этот камень из его укрытия, держа его так, чтобы на него попадали яркие солнечные лучи. Они мигали подобно крохотным звёздочкам, напоминая ей о пути Виктора со времён Могьёрода. Из Ньютаун Сквер на Худ и Винтер. Затем, на Нью-Кейптаун и Ковентри. Потом — на Аларион и Йорк, который чуть не стал его концом, а теперь, в скором времени — на Халфуэй.

Оми знала камень так же хорошо, как и каждый закуток своего дворца. И он был перемещён.

Изменение было едва различимым, как будто кто-то поднял его, а затем осторожно положил назад, изменив местоположение камня на земле. Это обеспокоило её. Садовники знали, что эти цветы трогать нельзя, что камень был Назван. Они все понимали, что у неё была привычка проводить его. Камни *натами* были очень личным делом.

Однако Оми могла назвать полдюжины причин, по которым кто-то мог залезть в клумбу и потревожить камень. Садовник мог захотеть вытереть его от грязи или, возможно, переместил его в процессе удобрения почвы. Также было вероятным, что один из главных садовников мог решить, что камень нужно перевернуть, чтобы придать ему «свежий вид».

Оми не желала свежего вида для Пути Воина. Если она искала что-то, чтобы отвлечься, то она нашла это. Оберегая настурции, она сошла с плиточной дорожки на крепко утрамбованный, раздробленный мрамор. Осторожно нагибаясь, одна рука вытянута для равновесия, она потянулась, чтобы вытянуть камень из его гнезда. Её пальцы коснулись его, сомкнулись, и подняли с места.

Резкий свист, сопровождаемый ощущением боли, испугал её. Что-то её ужалило. Даже дважды — два укуса в нижней части руки. Третий пришёлся в рукав её кимоно, и какое-то движение среди роз сверху заставило Оми подумать о быстрых насекомых. Всё ещё нагибаясь над клумбой, она медленно подняла руку, хмурясь из-за её тяжёлого веса и из-за того, как её приходится изгибать, чтобы увидеть запястье. Две иголки вошли в руку, одна из них через нефритово-зелёный рукав кимоно. Не больше, чем швейные иголки, каждая с наконечником в виде маленького пластикового цилиндра.

Оми почувствовала бессмысленный взгляд, оценивающий её лицо. Она закрыла глаза, не твёрдо попыталась перейти обратно на плиточную дорожку.

— О, Виктор, — прошептала она.

Его имя было последним, что сказала Оми Курита.

— *Omi-sama? Tasukete! Ima, ima!*¹

Она слышала, как старый дворник поднял тревогу, почувствовала неумелое надавливание руками на свои плечи и массажирование щёк. Борясь со слабостью, она заставила себя открыть глаза. Она не могла сфокусироваться ни на одном из лиц, склонившихся над ней, закрывших

¹ Благородная Оми? Помогите! Быстрее, быстрее! (яп.)

от её взора бесконечное голубое небо. Острый аромат настурций ослабевал по мере того, как замедлялось её дыхание. Оми попыталась заговорить, но паралич уже лишил её голоса.

Её сознание зафиксировало момент, когда ей начали делать искусственное дыхание и массаж сердца. Затем пришла боль аритмии — сердце ускорилося в отчаянной попытке доставить кислород к мозгу. Мир сморщился, потускнел, пока единственное воспоминание не завладело её сознанием. Лицо. *Ego* лицо. Глядящее на неё с огромного расстояния, когда он наклонился, чтобы положить что-то на землю. Она так сильно хотела сказать... лишь один последний шёпот... чтобы сказать ему...

Виктор...

Крики в дождь

4

*Бьюн, Халфуэй
Провинция Болан
Лиранский Альянс
14 мая 3064 г.*

В то время, когда сигналы тревоги «Экстерминатора» пронзительно предупредили о ракетной атаке, вице-регент Рудольф Шаков удерживал свою позицию под первой волной ракет. Потом пошли другие, огненный вал ракет дальнего действия, что пробивался сквозь лесопосадку высоких, серокорых ольх, которая была единственным, что отделяло его позицию у основания железнодорожной эстакады от прибрежного промышленного района города Бьюн. Индустриальный район состоял из равнинной вымощенной местности, разбавленной складами и огром-

ными стеллажами древесины, которая в конце концов выходила к докам и к широкой реке Грэхем.

Огненные взрывы с безжалостной силой срезали полдюжины деревьев, разбивая стволы в дребезги и превращая их в горящие щепки. Легко проходя сквозь тонкие ветви, боеголовки осыпали выжженную листву на гравийное покрытие, оставили дымный след над двойным рядом железнодорожных вагонов и упали на продвигающуюся вперёд линию комгвардии.

Две горсти боеголовок избежали систем противоракетной обороны Шакова, оставляя шрамы на броне обеих плеч его «Экстерминатора». Стоявший рядом с ним новейший «Экскалибур» под градом ракет пошатнулся и опустился вперёд на одно колено. Затем, всё ещё согнувшись, поднял правую руку и ударил в ответ из гаусс-пушки. Железо-никелевые снаряд пронзил тонкий слой ольхи, и Шаков надеялся, что они укоротят жизнь кому-то из храбрых (или же глупых?) ополченцев.

«Экскалибур» мог держаться в пределах досягаемости огня ополченцев. А он не мог. Не так эффективно, во всяком случае. Рванув рычаг газа на себя, Шаков заставил «Экстерминатор» перебежать к линии деревьев, убегая от дождя сыплющихся ракет. Натренированным глазом просматривая тактический экран, он увидел, что большинство из его подразделения уже сделали то же самое. Они легко укрылись от концентрированного ракетного огня, ещё раз выиграв от неопытности немногочисленного ополчения Халфуэя. Не то чтобы союзные Виктору войска стремились продемонстрировать мягкотелость, ещё более продолжая затянувшуюся схватку. Просто воспоминания о поражении на Йорке были слишком свежими.

Основная масса сопровождающих принца Виктора полков покинули Йорк, чтобы собраться здесь. Хотя Халфуэй был их запасным вариантом, Шаков думал, что он был в некоторой степени даже лучшим местоположением для базы. Будучи преимущественно сельскохозяйственным миром, Халфуэй находился под защитой единственного батальона с ограниченной поддержкой бронетехники. Планета также рано почувствовала на себе действия недоброжелательной руки Катерины. Находясь под угрозой гражданского неповиновения, она ввела военное положение и запретила космическое судоходство, и в результате многие экспортные культуры гнили на складах, а крупнейшие лесозаготовочные концерны планеты были практически доведены до банкротства. Публичные протесты исчезли быстро, но недовольство продолжало бурлить. Теперь, за шаг до освобождения, основные массы народа высказывались в поддержку Виктора, противодействующего власти своей сестры.

С другой стороны, Халфуэй был худшим из двух вариантов. Эта планета обладала меньшим потенциалом военной инфраструктуры, и ставленники Катерины тщательно вычистили местное ополчение от любых потенциальных сторонников Виктора. Этот стратегический шаг привёл к тому, что продвижение союзников столкнулось с фанатичными войсками, которым нечего было терять. Ополченцы сражались словно одержимые демонами, несмотря на отсутствие поддержки со стороны местного населения и соотношения сил один к пяти. Их объединённые любовь к Катерине и страх перед ней были, по-видимому, сильнее, чем чувство самосохранения.

Шаков покачал головой, думая о необязательных потерях. Солдаты должны понимать, когда они побеждены.

Новая волна ракет прошла над головой, падая на почти опустевший тыл войск принца. Несколько боемехов, как например «Экскалибур», и одно небольшое подразделение медленных бронированных танков — вот и всё, что оставалось в зоне поражения. Тактический значок одной из бронемашин, устаревшей но уважаемой конструкции «Бурк», зажёгся предупреждающим сигналом о выходе из строя. Шаков подумал, что, вероятно, у танка подбита гусеница или какие-либо неприятности с мотором. Имея постоянные проблемы с тыловой поддержкой, потеря любого меха или бронемашины была сильно ощутимой. Он надеялся, что экипаж в безопасности, но не мог сделать ничего больше, кроме как попытаться уменьшить давление неприятельского огня на них.

— Наступаем в шахматном порядке, — приказал он. — Прыгающие — первые, и успокойте эти ракетные катера!

Шаков запустил свои прыжковые двигатели ещё во время отдания приказа, его шестидесятипятитонный «Экстерминатор» поднялся в воздух на двух столбах плазмы. Он контролировал полёт с помощью ножных педалей, применяя то один набор подъёмников, то другой, в изящном прыжке поднимаясь над ольхами.

Две роты ополченцев, состоящих из разнородных боевых мехов и тяжёлой бронетанковой техники, держали оборонительные позиции совсем близко. Это были преимущественно устаревшие машины, с небольшими вкраплениями усовершенствованных образцов, но ни одного более нового, чем «Фальконер» командующего ополчением. В обычных обстоятельствах механизированная группа нового соединения Шакова, «Верноподданных», была бы практически равна им по силам. Но в данном случае регент Илларион ещё дополнил его силы техникой из батальона дивизиона «Разорванные цепи» и пехотой в боевых костюмах, позаимствованной у остатков «Силачей» вице-регента Халинджера.

В общем Шаков имел в распоряжении шесть боемехов и четыре редких прыгающих танка на воздушной подушке «Канга», отвлекающих ополчение и берущих на себя огонь, в то время как три отделения пехоты в боекостюмах мчались под прикрытие стеллажей древесины, или же подпрыгивающих для захвата мехов врага. Позади него сквозь посадку прокладывали себе путь ещё полдюжины мехов, создавая проходы для сорока бронированных машин, следующих за ними.

Пушка-проектор частиц «Фальконера» провела ровным лучом через заострённую грудь меха Шакова, как только тот воспарил в воздухе. Рукотворная молния проникла глубоко в защитный панцирь, однако не смогла найти никаких предшествующих повреждений. Твёрдая рука на панели управления не дрогнула, но Шаков заметил серебристое пятно, которое прошло в паре метров слева от его щита из армированного стекла, между головой и плечом «Экстерминатора». Он тяжело сглотнул и подумал, что ему повезло, понимая, насколько близко гауссовая пушка «Фальконера» было к тому, чтобы разнести кабину.

Выключая двигатели, он стремительно опустился на землю, амортизируя толчок при посадке небольшим приседанием, затем немедленно произвёл боковой манёвр, чтобы быть менее удобной мишенью. Визир его прицела лёг на сутулый контур «Фальконера», но Шаков не стал стрелять, вместо этого переместив прицел на находящуюся рядом установку ракет дальнего действия. Его приказ гласил придушить ракетный обстрел, а хороший командир всегда следует своим приказам.

По крайней мере, всегда, когда это возможно.

Визир переключился с красного на золотистый, и он достиг максимально возможного расстояния действия средних лазеров. Алые лучи вонзились в правый бок бронемашины, срывая с неё броню и открывая большие пробоины, в которые пара танков «Канга» засыпала две очереди из автоматических пушек. По крайней мере одному залпу снарядов с урановыми накопечниками удалось подорвать боекомплект. Поток огня вырвался из пробитого борта ракетной установки, взрывная сила вырвала всю правую сторону машины, которая, лениво кувыркаясь из стороны в сторону, поднялась в воздух. Последующие взрывы от детонировавшего боекомплекта сотрясли установку, всё ещё находящуюся в воздухе, а в том, что в результате опустилось на землю, уже нельзя было распознать боевую машину.

Тепло прорвалось через пол кабины «Экстерминатора» — термоядерный реактор вышел на пик мощности, чтобы обеспечить энергетические потребности лазеров, но скачок температуры составил всего градус или около того, и быстро рассеялся. «Экстерминатор» был очень действенной убийцей, старая ценная модель, содержащая в себе технологии, которые Комстар — в своём бывшем облике сторожа знаний — ревниво охранял в течение столетий. Не считая наиболее тяжёлых сражений, наподобие того, что имело место на Йорке, Шаков обычно боролся с холодным прикосновением своего охлаждающего костюма, причиняющего боль мускулам. Эта же битва за Халфуэй, напоминающая стрельбы в тире, сама заставляла дрожать его от холода.

Две других ракетных установки отправились за первой. Четвёртая отступила под сильным огнём пары «Вайвернов». Избавившись от ракетного обстрела, основная часть войск Шакова

прошла лесопосадку и вырвалась к побережью. Он переключился на открытую волну, на ту, которая, как он знал, отслеживалась ополчением Халфуэя.

— Сдавайтесь! — крикнул он своим противникам, как раз когда гауссовка «Фальконера» проделала отверстие в левом коленном суставе его боемеха.

Грубая кинетическая сила гиперзвуковой скорости вдребезги разбила то, что осталось от брони, с треском отламывая ногу «Экстерминатора» и выворачивая её назад. Предупредительные сигналы верхнего силового привода ноги меха и тазобедренного сустава загорелись красным, и машина медленно во вращении повалилась назад и вправо.

Шаков боролся с гравитацией за контроль над «Экстерминатором», его мышцы выворачивали рычаги управления. Нейрошлем помогал, считывая сигналы с его чувства равновесия и подавая их на гироскоп шестидесятипятитонной машины, но этого было недостаточно. Нагибая тело влево в отчаянной попытке спасти ситуацию, он слышал пронзительный визг напряжённого вращающегося металла — это выражали недовольство стабилизаторы гироскопа. «Экстерминатор» опрокинулся, с зубодробительным скрежетом и отвратительным хрустом разбитого металла падая на правую сторону.

Потрясённый Рудольф Шаков уставился сквозь передний визир в облачное небо. Ощупывая рот языком, он чувствовал осколки, хрустящие на коренных зубах.

— Я даю вам последний шанс, майор Добсон, — сказал он сквозь стиснутые зубы, хотя он был уверен, что это предложение звучало бы лучше, если бы его мех стоял на ногах.

ППЧ «Фальконера» омыл серебристым огнём заднюю часть опрокинутого меха Шакова. Энергия пробилась внутрь грудной полости и новый сигнал о поломке сообщил ему, что его противоракетная система выведена из строя.

Как будто такого ответа было недостаточно, громкий, решительный голос прокричал в ответ по системе связи:

— Горите ярким пламенем, ты и твой принц-предатель, Комстар! — проорал Добсон. — Теперь приходит конец!

Шаков перевернул «Экстерминатора» вокруг, чтобы «Фальконер» не мог найти удобного места на спине. Работая повреждённой ногой под собой, ему удалось отползти назад как раз в то время, когда три боевых меха ополченцев производили перезарядку.

Это была лучшая атака из тех, которые мог предпринять Добсон. Большинство ополченцев Халфуэя в это время были заняты отбитием атак пехоты, экипированной в боекостюмы, или же были преследуемы атакующими машинами комгвардии в отношении четыре к одному. В этом хаосе перемещались боемехи войск принца, оттесняя назад и подавляя обороняющихся ярким лазерным огнём, нанося удары из гаусс-пушек и выпуская яростные ураганы из тяжёлых автоматических орудий.

Шаков увидел, как девятотонный «Хайлендер» метким выстрелом из гауссовой пушки обезглавил одного из «Энфорсеров» ополчения. Звено аппаратов на воздушной подушке «Лайтнинг» стремительно пролетело мимо повреждённого «Вульфхаунда», их импульсные лазеры выплюнули шквал изумрудных дротиков в сторону боевого меха и в результате отрезали ему ногу в районе бедра.

Пара горбатых «Райдзинов» приземлилась с каждой стороны «Экстерминатора» Шакова, присев на свои вывернутые ноги, чтобы присоединиться к нему в противостоянии сокращённому наступлению ополченцев. Перемешивая огонь своих пушек-проекторов, ракет короткого радиуса действия и импульсных лазеров, они поддержали разъярённый ураган разрушающей силы, который опустился сначала на «Найтскай», а затем на убийственный «Хатчетмэн».

Шаков крепко держал пальцы на спусковых крючках «Экстерминатора», стреляя лазерами и ракетами настолько быстро, насколько они могли перезаряжаться. Алая энергия прорезала броню, терзая правую сторону «Фальконера» и усугубляя ранее нанесенное повреждение. Гаусс-пушка на правой руке разорвалась на куски, когда разрушенные конденсаторы разрядились через полурасплавленную обмотку ускорителя, пуская танцующие дуги электричества вверх по руке и плечу боемеха ополчения.

Тем не менее, «Фальконер» ринулся вперёд, продвигаясь под эффективной дистанцией ракет дальнего действия Шакова. Этот мех был не только мощнее Шакова, но, учитывая повреждённую ногу «Экстерминатора», он был и быстрее его. Шаков держал свой мех сидя под яростным огнём, отвечая таким количеством повреждений, какое мог нанести своими четырьмя лазерами. Он напрягся, когда стало ясно, что майор Добсон намеревался наброситься прямо на него, ударив семьюдесятью пятью тоннами ожившего металла в искалеченный «Экстерминатор». Удар при столкновении, без сомнения, полностью добьёт его.

Если не считать, что он не произойдёт. За несколько десятков метров до местоположения Шакова «Фальконер» содрогнулся в талии. Нетвёрдой походкой он сделал ещё два неуклюжих шага, а потом одна нога под ним вывихнулась. Походка наконец потеряла точку опоры на вымощенной поверхности и мех упал плечом на землю. Искры соскакивали с повреждённого металла, который в свою очередь выбивал гравий из тёмного железобетона по мере того как машина волочилась неуклюжей глыбой по поверхности. На несколько секунд Шаков подумал, что ему как-то удалось нанести смертельный удар по гироскопным стабилизаторам «Фальконера».

Он был прав лишь наполовину.

Одетый в боекостюм пехотинец прицепился к спине «Фальконера», пробрался в нижнюю часть гироскопа, а затем благополучно перенёс всё худшее при падении. Это был бронекостюм элементала, специально разработанный для генетически выведенных пехотинцев кланов. Виктор взял с собой несколько связанных из операции Звёздной Лиги, которая уничтожила клан Дымчатого Ягуара, но только Тиарет сопровождала Шакова сегодня. Она была телохранителем Виктора и одним из наиболее хладнокровных и эффективных воинов, которых он когда-либо встречал.

— Я полагаю, что мне следует поблагодарить тебя, — сказал он на общей частоте дивизиона, зная, что она никогда не примет похвалы, — но не попадает ли это под определение вмешательства в личную схватку?

Его лёгкий юмор не предназначался для того, чтобы подшутить над концепцией кланов о личном единоборстве, а был признательностью за её жертву — принятие пятна на своей чести ради спасения боевого товарища и друга.

Однако она быстро лишила его иллюзий относительно этой идеи.

— У меня было преимущественное требование, — проинформировала она Шакова по личному каналу. Это было похоже на правду, поскольку пехота в боекостюмах рванула вперёд, пока он разбирался с ракетной установкой.

— Он поступил глупо, решив игнорировать меня и стрелять в тебя, и отверг требование о личной схватке. Его мастерство не соответствовало его притязаниям.

Эта мудрость кланов осталась висеть в воздухе без ответа на несколько секунд.

— Он был прав в одном, — добавила она затем. — Теперь это закончилось.

Шаков осмотрел поле боя, пробегая взглядом по проредившимся рядам солдат принца, подсчитывая прорехи в своём подразделении. Каждая потеря для него была мучительна. Каждый погибший мужчина, каждая погибшая женщина означали, что в следующем бою будет на одного воина меньше. Меньше одним защитником принца Виктора. Никто не заставлял Шакова покидать Комстар, чтобы стать на стороне Виктора в гражданской войне, но это не означало, что он принимал жертвы без всяких чувств.

И он не захотел поправлять Тиарет, даже по личному каналу, но они были оба неправы, она и Добсон. Это не закончилось здесь. Это не могло закончиться. По крайней мере, не для него.

До тех пор, пока Виктор Штайнер-Дэвион благополучно не закончит на Новом Авалоне.

*Атолл, Халфуэй
Провинция Болан
Лиранский Альянс
23 мая 3064 г.*

Войдя в большую столовую публичного дома, известного как «Счастливая Шлюха», Виктор был поражён той интимной атмосферой, которую этому месту, кажется, придавали тёмные стены, обитые красным деревом, и очень яркие красные обои. И ещё больше такое впечатление усиливалось от толстых красно-коричневых вельветовых штор, которые кто-то натянул на огромные окна, выходящие на внутренний двор и парк.

Это место как будто появилось из старого головизионного фильма. Двойная хрустальная люстра, подвешенная над длинным столом из черешни; золотой металлический лист, украшающий перемычку двери; арочные опоры сводчатого потолка. На пяти больших комодах стояли фарфор и другие изящные предметы, собранные из сокровищ, перевозимых между мирами военными и коммерческими путешественниками. Выцветший контур на стене показывал место, где шестой комод был заменён крупной компьютерной станцией и портативным голографическим проектором.

Когда Виктор вошёл, полковник Патриция Вайнман и четверо солдат, ожидающие его, встали, их тяжёлые кресла закрипели о твёрдую древесину пола, отполированного до золотистого блеска. Даже регент Раймон Ирелон поднялся, несмотря на пневматический гипс, который всё ещё сжимал его правую ногу. Тиарет уже была на ногах, на её фоне близлежащий комод казался миниатюрным, — она стояла на страже у широких дверей комнаты. Морган Келл, великий герцог оборонительного рубежа Арк-Ройял сделал шаг навстречу, чтобы заключить его в короткое однорукое объятие. Его правый рукав был пристёгнут к плечу, — эта рука была отбрана тем же взрывом, который забрал жизни матери Виктора и жены Моргана.

Только Фелан Келл, сын Моргана и хан клана Волка в изгнании, оставался сидеть. Он развалился в кресле, растягивая свои удобные кожаные перчатки и беззаботно разглядывая пёстрое окружение. Его зелёные глаза радостно вспыхнули, он поприветствовал Виктора лёгким взмахом руки. Фелан получал удовольствие, показательно игнорируя формальности.

Виктор покачал головой в притворном упреке:

— Моя вера во Вселенную восстановлена. Фелан, ты не меняешься.

Фелан качнулся верёд и одним плавным движением вскочил на ноги, протянул Виктору руку для тёплого рукопожатия.

— Зато ты меняешься, — сказал он, многозначительно указывая взглядом по сторонам. — Я могу оценить скрытое военное значение подобных заведений, Виктор. Но я никогда не думал, что встречу тебя в борделе.

Виктор кивнул на Джеральда Крэнстона, чьё лицо изображало саму невинность.

— Это идея Джерри. После того, что произошло на Йорке, он и Тиарет решили, что нам необходимо что-то нетрадиционное, чтобы осложнить возможность удара по нашему командному центру. Кто бы подумал искать меня и высших офицеров здесь?

Фелан кивнул.

— Я надеюсь, ты понимаешь, что после этой войны над парадной дверью посетители будут видеть памятную табличку, гласящую «Виктор Дэвион спал здесь», — он лукаво улыбнулся. — Ты превратил это место в достопримечательность. Что скажет Оми?

Виктор нахмурился в ответ на плохо скрываемые ухмылки Моргана Келла и генерала Карадока Треваны.

— Я побеспокоюсь об этом позже, — сказал он, внезапно ощутив неудобство от слабого цветочного аромата, который стоял в комнате. Не то что бы Виктор на самом деле беспокоился о том, как объясниться с Оми, просто ему было больно вспоминать о ней после столь долгого времени, проведенного в разлуке. Он сел между Морганом и Доком Тревана. Присутствующие восемь человек занимали только переднюю треть длинного стола, а Виктор ожидал десяти.

— Кристифори? — спросил он, желая сразу перейти к делу.

— Будет позже, — сказал Крэнстон со своего места у компьютера. — Он хотел позаботиться о своих солдатах и офицерах.

— Я послал за ним Шакова, ваше высочество, — сказал регент Ирелон. — Рудольф его поторопит.

Виктор коротко кивнул.

— Тогда давайте тоже поторопимся. Йорк должен был стать нашей опорной базой для устойчивости третьей волны. Я хочу знать, что было сделано неверно, и насколько нам это повредит.

— А что было сделано верно? — спросил Крэнстон, нажимая несколько кнопок на компьютере. Он отступил назад, и простенькая плоская звёздная карта Лиранского Альянса появилась в воздухе на голографическом мониторе. — Недостаточная разведка, преждевременное выполнение, и чрезмерное использование тактических преимуществ в ущерб стратегическому планированию. Те же самые проблемы, с которыми мы сталкивались с самого начала.

Похоже на правду, Виктор знал это. В Могьёроде, лиранском мире в дальнем закутке Внутренней Сферы, он был, наверное, в самом худшем положении для организации гражданской войны. Между прочим, в первой битве он был разбит и чуть не погиб. Только дезертирство солдат, верных принцу, из Комстара и их своевременное появление спасли Виктора и попытку начать войну. Это дало ему время собрать дальнейшую поддержку, сплотить войска и упрочить власть. Трудные сражения, выигранные в Ньютаун Сквере и Ковентри, ознаменовали первые волны гражданской войны.

Затем был Аларион, столица провинции и важный индустриальный мир, местоположение главных судостроительных верфей Лиранского Альянса. Он пал без борьбы, без единого выстрела. Силы Виктора высадились на планете без сопротивления, обнаружив пустующие военные базы и слухи о единственном скрывающемся пехотном полке противника. Не было ни следа местного ополчения или Аларионских егерей.

— Насколько я могу собрать всё это воедино, — сказал Крэнстон, — кто-то приказал оставить Аларион, сохранив местные силы для активной атаки, а не обычной обороны. Они отступили, возможно, в Карлайсл, где объединились с Карлайслским ополчением и Одиннадцатым полком Арктуранской гвардии. Оттуда они ударили по нам в Йорке.

— Такая операция несёт на себе печать гения, — продолжал он, теребя свою светлую бороду. — Отдав Аларион, он заставил нас уменьшить твоё сопровождение, Виктор, ведь нам нужно было охранять полученный мир. А выгоды нам это почти не принесло.

— А как же верфи? — спросила Патриция Вайнман. — Определённо, они чего-то стоят.

Она присоединилась к силам Виктора на Йорке, заменив Тридцать девятый Авалонский гусарский полк, оставленный на Аларионе. Как раз вовремя, чтобы принять участие в первом крупном поражении Виктора в гражданской войне.

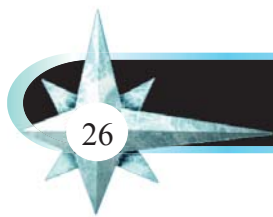
Крэнстон скривился.

— «Роберт Келсуа» был единственным боевым кораблём, строительство которого близилось к завершению, но и его увели до нашего появления. Там в доках ещё есть два корвета «Фокс» и один крейсер класса «Мьельнир», но у нас нет ни финансовых ресурсов, ни времени, чтобы достроить их. В лучшем случае, мы могли бы подготовить к работе несколько транспортных кораблей.

Он устало покачал головой.

— Мы оставляем доки Катерине. Что касается этого вопроса, то больше говорить не о чем.

— Если дела обстоят именно так, — вступил в разговор Док Тревана, — зачем ты вообще беспокоился по поводу Йорка?

Он потёр свой большой нос, обратив взгляд на звёздную карту.

— Почему просто не обойти его?

Виктор налил себе в стакан ледяной воды из большого запотевшего кувшина, стоящего на столе, сделал глоток.

— Как сказал Джерри, — преждевременное выполнение. Мы пошли на Аларион и Йорк одновременно, на случай, если бы нам не удалось взять Аларион. Мы были на связи с Шестым уланским полком Патриции и Семнадцатым полком Скайских рейнджеров, оба пришли к нам из пограничных войск Периферии. Они должны были охранять Йорк, дав нам запасную позицию.

На выветренном лице Моргана Келла появилось выражение глубокого неодобрения.

— А вместо этого вас там выследили и загнали в ловушку.

Хотя Морган уже не командовал легендарными «Гончими Келла», его ум всё ещё был острым, когда дело доходило до критического анализа военных операций.

— Небольшая демонстрация военного дзюдо, обратившая твои собственные планы против тебя. Есть какие-либо идеи относительно того, кого ты должен благодарить за это?

— Не думаю, что это Нонди, — сказал Виктор, называя имя своей тётки, маршала лиранских армий Катерины и её регента на Таркаде. — Она Штайнер старой школы, а это было слишком хитро. Джерри и я ставим на Марию Эстебан, генерала Одиннадцатого гвардейского Арктураского полка.

Крэнстон кивнул.

— Она даже один раз заставила нас охотиться на призраков, распространив дезинформацию о том, что находится на Трининге, предположительно собирается на Локсли, а затем планирует нанести удар по Ковентри.

Фелан с чёрным юмором улыбнулся.

— Видите, что происходит, когда вы открываете ваши военные академии старому врагу?

— Эстебан может быть выпускницей Ново-Авалонского Института Военных Наук, — сказал Крэнстон, — но она — лиранка до мозга костей, с диктаторскими замашками. Она не терпит широкого инакомыслия и продолжит преследовать нас.

Голос Патриции Вайнман дрожал от ярости.

— Если бы Скайские рейнджеры всё-таки появились, Эстебан больше не была бы проблемой. Мы бы разбили её войска на куски!

Она также налила себе стакан воды, но опустила его, не выпив ни глотка.

— Мы до сих пор пытаемся определить их местоположение, — сказал Крэнстон. — Они могли задержаться. Их могли уничтожить.

Стук в двери прервал все возможные комментарии. Тиарет приоткрыла двери, закрывая поле зрения своей большой мускулистой фигурой. По-видимому, удовлетворённая увиденным, она открыла двери достаточно широко, чтобы было видно прислужника Комстара, стоящего в холле. Он нервно переминался с ноги на ногу, и сжимал в одной руке ноутбук. Регент Ирелон поднялся из-за стола и хромающей походкой на своём костыле вышел, чтобы разобраться, в чём дело. Он рассудит, стоят ли новости того, чтобы прерывать совещание.

Уход Ирелона сопровождался тишиной. Несколько человек тоже налили себе по стакану и сидели, тихо попивая воду. Виктор уставился на стол, водя пальцем по рисунку волокон тёмного дерева. Гладкая лакированная поверхность искажала представление о грубом материале, содержащемся под ней. Она напомнила ему о его разношёрстном сборище войск.

— Итак, — сказал он наконец, — мы остались с Шестым уланским Крестисским полком, 244 дивизионом и Иноземным Легионом, который в настоящее время состоит из примерно двух батальонов разрозненных подразделений.

Несмотря на противоречивую сущность Легиона, Виктор не мог не чувствовать некоторую гордость за него. Он был сформирован по частям из солдат, которые воевали с ним в домашних мирах кланов, его члены собирались по одному, по два и случайными группами, как только Виктор впервые призвал к оружию. Они приходили из Синдиката и из Лиги, из Капелланской

Конфедерации и даже из одного из маленьких государств Периферии, вновь собираясь под его флагом несмотря на то, что клялись в верности враждующим между собой нациям.

— Морган, ты снял 23-ий Арктуранский гвардейский полк с оборонной линии Арк-Ройяла? — спросил Виктор.

Морган кивнул.

— Они в пути. Помощник генерала Киллсона, полковник Гебль, сопровождал меня здесь. Он свяжется с вашими людьми до их появления.

Патриция Вайнман наклонилась вперёд.

— Двадцать третий полк — хорошие солдаты, но нам нужно что-то позубастее. Где Гвардия Дэвионов?

— Выведена из игры, — сказал Крэнстон. — Катерина опустошила Первую боевую группу и изолировала Тяжёлую Гвардию на Галаксе, оставив без транспорта. Лёгкая Гвардия и 3-я ПБГ слишком далеко от нас, чтобы можно было встретиться. Другие в своих кабинах ведут тяжёлые сражения в четырёх различных мирах.

Виктор водил рукой по поверхности стола.

— Я беру то, что могу получить, Патриция. Я бы хотел привлечь на свою сторону моих «Призраков», но Десятый Лиранский полк застрял на Робинсоне.

Патриция сложила руки у себя на груди.

— Застрял? — спросила она, явно не веря в это.

— Хорошо, не застрял, — спокойно ответил Виктор. — Если бы я приказал им захватить транспорт и присоединиться ко мне, они бы так и сделали, и Джеймс Сандоваль ничего бы с этим не смог поделать. Сейчас же они остаются на Робинсоне, пока я не увижу, как Танкред управляется. Если будет необходимо, «Призраки» могут поддержать Танкреда при смещении его отца.

— Тебе самому это может быть нужно, в независимости от того, что себе думает Танкред, — сказал Морган. — Но не забывай о своей большой проблеме, Виктор. До следующего собрания Звёздной Лиги остаётся всего лишь пять месяцев. Тебе *необходимо* вернуть эту гражданскую войну в прежнее русло, или же Катерина похоронит тебя политически.

Док Тревана кивнул.

— До сих пор Первый Лорд Курита поддерживал твою позицию, считая эту войну внутренним делом, которое оставляет за нами право на обоснованное сопротивление власти Катерины. Но твоя сестра будет лидером на выборах нового Первого Лорда. Если она получит в своё распоряжение Силы Обороны Звёздной Лиги или же, в случае избрания, убедит Томаса Марика помочь ей, то мы пропали.

Виктор был согласен. Тогда это уже будет не вопрос тактики *или* стратегии. Это будет чистая политика. Если войска Катерины водрузят над собой флаг Звёздной Лиги, Виктору *придётся* проиграть.

— Получается, нам нужна крупная победа, или что-то вроде символического действия. Вопрос в том, что ещё мы можем попробовать?

— Как Донегол, так и Геспер были бы превосходным выбором, — предложил Док Тревана, — хотя нам понадобится больше поддержки от ОРАР. Оба этих мира обладают хорошим промышленным потенциалом, который мы сможем использовать, и достаточным политическим влиянием, чтобы оказать тебе поддержку на конференции Звёздной Лиги.

Он замолчал, подумал.

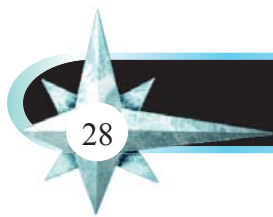
— Скай был бы ещё одним хорошим выбором, и он как раз по пути к Федерации Солнц...

— Но Роберт Келсуа воспользовался бы этим для того, чтобы в очередной раз потребовать независимости для Скай, — закончил мысль Виктор, думая о своём кузене и о несчётном количестве проблем, которые принесла ему в прошлом семья Роберта. — Эту проблему я оставляю на потом, хотя уверен, что рано или поздно мне придётся иметь дело со Скай.

Он посмотрел по сторонам.

— Ещё предложения?

— Болан, — предложила Патриция Вайнман. — Это столица провинции, и она близко.

Фелан взглянул на него, глаза почти блестели.

— Таркад, — простодушно сказал он.

«Оставим это Волкам», — подумал Виктор. — «Схватим сразу за горло и к чёрту политические соображения».

В этот момент Раймонд Ирелон вернулся к совещающимся, проскользнув сквозь дверь под постоянно бдительным взглядом Тиарет. Он передал мини-компьютер Виктору, в то время как Морган Келл объяснял потенциальные последствия атаки на Таркад своему сыну. Слушая Моргана, Виктор заметил, что лицо Ирелона было бледным, а взгляд — обеспокоенным.

— Таркад — это военная база, только и ждущая того, что Виктор на неё нападёт, — сказал Морган. — Если мы нападём под личным штандартом Виктора и проиграем, то это будет конец.

— Это маловероятное «если», — возразил Фелан. — Мы не проиграем.

Морган покачал головой.

— Ну конечно, тебе виднее. Слишком многое может пойти не так. В этом и заключается отличие риска от авантюры, Фелан. Если мы рискуем чем-то и терпим неудачу, то можем опраться. Если мы идём на авантюру и терпим неудачу, то нам конец.

— Мы можем сделать это, — настаивал Фелан. — Мы призовём все силы с ОРАР, плюс мои Волки, «Гончие Келла», и все остальные элитные силы, которые мы можем отозвать с границы с Нефритовыми Соколами...

— Невозможно, — вмешался в разговор Виктор. Он поднялся, держа ноутпьютер в одной руке и упираясь в стол другой.

— Соединения с Оборонительного рубежа Арк-Ройял никуда не уйдут, — сказал он, передавая ноутпьютер Моргану. — Нас только что лишили этого козыря.

Остановившись в дальнем западном конце космопорта Торренса, Рудольф Шаков припарковал джип у внутренней стороны открытых дверей ангара мехов. Поднимаясь с кресла водителя, он заметил первые капли дождя, которые начали барабанить по железобетону снаружи. Скоро толстый слой пыли, лежащий на бетоне, раздолбленном тяжёлой поступью мехов, превратится в липкую серую грязь. Техники и портовые рабочие, застигнутые ливнем, сегодня ночью проведут некоторое время, откалывая её с подошв своих сапог. Дороги станут скользкими от грязи и смазки, вымытой на поверхность. Шаков подумал, что, перед тем как возвращаться в Атолл, дождю нужно дать по крайней мере час, чтобы тот вымыл дорожное покрытие.

Это был час, которого у него в распоряжении не было.

Он слез с джипа, прикрепив маленькое чёрное связное устройство Комстара себе на пояс. Шагая мимо бегущих техников и боеприпасов, штабелями упакованных в ящики, он направился в конец ангара, где стояла дюжина мехов, помещённых в технические ниши. Все машины, от тридцатитонного «Бэтл Хока» до более старой, но всё ещё впечатляющей «Баньши», которая девяностопятилетней глыбой возвышалась на двенадцать метров, были лиранского производства. Каждая была раскрашена в синий цвет Штайнеров и украшена изумрудным цветом ополчения театра Фридом. И каждая несла на себе следы значительных боевых повреждений.

Шакову не составило никакого труда найти цель своего визита, даже несмотря на то, что Арчер Кристофори всё ещё был одет в обыкновенный комбинезон. Если не принимать во внимание красный шеврон, пришитый сбоку каждой штанины, и значок мехвоина, его форма была похожа на одежду, которую носили многие техники. Шаков заметил, что Кристифори уже получил новые знаки отличия, сопровождающую его повышение в звании до генерал-лейтенанта. Но, по доносившимся звукам, его звание имело мало веса для местного старшего сержанта.

— Мне нужны эти запчасти, сержант. Не для пополнения запасов. Посмотрите на мои машины, — Кристифори указал пальцем на потрёпанные в битвах мехи. Именно этот жест в первую очередь привлек внимание Шакова. — Не говорите мне, что я тащил двенадцать мехов всю дорогу от Одессы сюда только для того, чтобы их здесь заблокировали. Если бы я не взял

их с собой, они бы, по крайней мере, были работоспособны. Сейчас же я их выведу наружу, и будет счастьем, если мои мехвоины останутся сухими.

— Я понимаю это, сэр, — сержант взвесил свой наладонник в руке. — Но у нас есть чёткая очерёдность в обслуживании, которая будет соблюдаться до тех пор, пока логистика не возобновит поставки с Аларииона.

Шаков замедлил шаг, желая понаблюдать за тем, как генерал Кристифори улаживает вопрос. Последние повышения в звании этого человека были впечатляющими — от майора до полковника, а теперь до генерала, и всё это за четыре года. Список его достижений за это время был таким же основательным, но это ничего не говорило о *самом человеке*. Даже в среде Комстара офицерский корпус лиран был мишенью для шуток о начальниках званых вечеринок и светских генералах.

— Я понимаю ваше положение, сержант, — спокойно сказал Кристифори. Казалось, он ценит и уважает служебные обязанности военнослужащего. — Но мы — в зоне боевых действий, а мехи, находящиеся под моим командованием, не смогут пробиться даже сквозь парочку космических разведчиков. Это обстоятельство определённо должно поднять нас в вашем списке на несколько позиций выше.

Старший сержант нахмурился.

— Я не слышал сообщений об активности лиранцев.

Как большинство солдат армии Виктора, он носил униформу Федеративных Солнц. Хотя обычно общественное мнение придавало Виктору более высокую легитимность, лишь немногие воины принимали это за естественный порядок вещей. Сержант скорее всего даже не понял, что он только что оскорбил старшего офицера.

Но Кристифори не использовал этот повод, чтобы приструнить его.

— Сержант, я — лиранец. И я настолько активен, насколько могу, во благо принца Виктора. Но я понимаю смысл сказанного вами. А теперь вы попытайтесь понять меня. Я считаю всё пространство в радиусе пятидесяти световых лет вокруг Виктора Штайнера-Дэвиона зоной боевых действий. Я хочу, чтобы мои мехи были подготовлены и работоспособны, и я не уйду, пока мы, по крайней мере, не достигнем компромисса.

Шаков подошёл и улыбнулся.

— Даже несмотря на то, что у вас есть приказ немедленно доложить о себе принцу, генерал?

Кристифори быстро взглянул через плечо.

— Быть готовым к битве — это тоже мой долг. Подготовка заменяет планирование. Принц поймёт меня.

Его голос говорил о том, что он ничего не разглядел в Шакове, что могло бы помочь ему. Не удивительно, принимая во внимание, что Шаков также был одет в обыкновенную одежду и простую кожаную куртку. На первый взгляд его легко можно было принять за гражданского.

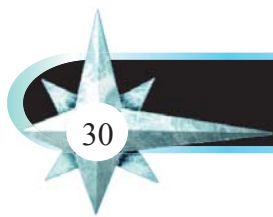
— Ну, давайте не будем проверять это дольше, чем следует, — сказал он, протягивая руку за ноутбютером сержанта. — Возможно, я смогу помочь.

Он использовал маленькую клавиатуру, чтобы выйти из записей «истощённых резервов» в «перемещение заявок»; затем стилусом нацарапал на экране и ввёл в память планшетки свою подпись и добавил код авторизации, с помощью которого осуществляется доступ в программу обработки ресурсов 244 дивизиона.

— Сержант, это позволит вам получить всё, что нужно генералу, из наших запасов. Пожалуйста, позаботьтесь об этом.

Гром возрастающего ураганного ливня эхом пробежался по ангару; старший сержант кивнул и быстро созвал команду для выполнения работы. Сырость урагана смешалась с сухим запахом чёрного пороха, который всегда сопровождает упакованные боеприпасы. Шаков подумал, что это удивительный контраст. Что-то наподобие офицера комгвардии, который предал своего примаса ради изгнанного принца.

— Вы вице-регент? — спросил Кристифори, наконец заметив маленькую серебряную звёздочку на воротнике куртки Шакова. — Вы не похожи на офицера Комстара.

— 244 дивизион порвал связи с комгвардией, когда пришёл на помощь принцу Виктору на Ньютон Сквере, поэтому, формально, — нет. Официально, я предполагаю, мы числимся как дезертиры. Ну, и как еретики, — он протянул руку. — Вице-регент Рудольф Шаков.

Кристифори пожал её и тепло улыбнулся.

— Арчер Кристифори. У нас есть нечто общее. Я думаю, что моё досье в Лиранских Военных Силах содержит то же самое. Зачеркните «еретик», но вставьте любое другое грязное ругательство, и вы будете недалеко от истины. — Он посмотрел вслед уходящему сержанту. — Я ведь не отнимаю у вас никаких необходимых вам самим припасов, не так ли? Мы найдём применение всему, без чего вы сможете обойтись.

— От каждого — по возможностям, каждому — по потребностям, — сказал Шаков.

Улыбка Кристифори поблекла.

— Это одна из мудростей Джерома Блейка? Я думал, Комстар порвал с его мистицизмом, когда «Слово Блейка» решило пойти своим собственным путём.

Шаков покачал головой.

— Это не из Блейка, генерал. Это старая поговорка другого знаменитого терранца. Но она весьма удачно подходит военному мышлению, вы не находите? — он был рад видеть, что на лицо Кристифори вернулась улыбка, но дальнейший дружеский разговор был прерван вибрацией и низкочастотным жужжанием переговорного устройства, прикрепленного к его поясу.

Шаков потянулся к коммуникатору.

— Информация не ждёт никого, — сказал он. — А вот *это* уже Джером Блейк.

Он отсоединил дистанционный наушник от базы и вставил его в ухо, тоненький проводок вытянулся до рта.

— Не позволяйте посланнику испортить послание, генерал.

— Зовите меня Арчер, — сказал Кристифори, тихо ожидая, пока Шаков нажал кнопку включения на прикрепленной к поясу базе и отвечал на сообщение.

Разговор был весьма односторонним, — Шаков лишь кивал и глухо выдавал короткие утверждения. Он заметил беспокойство в глазах Арчера Кристифори и подумал, что оно, должно быть, является отражением его собственного беспокойства.

Он завершил разговор, снял наушник со своего лица и засунул его в карман.

— Время доставить вас к принцу Виктору, Арчер, — сказал он, беря его за руку и направляясь обратно к ожидающему джипу. — Очевидно, война также никого не ждёт. Нефритовые Соколы только что перешли границу.

Авалон-сити, Новый Авалон
Марка Крузис
Федеративные Солнца
23 мая 3064 г.

В дворце Дэвионов на Новом Авалоне было несколько комнат военного планирования, в которых специалисты работали на новейшем оборудовании. Но кабинет Первого Принца — теперь Первой Принцессы — никогда не предназначался для этой цели. Он был приятным и комфортабельным, и больше напоминал Катрине маленькую уютную каморку.

Деревянная обшивка и встроенные книжные полки покрывали стены. С одной стороны комнаты стоял большой стол из белого ясеня, а с другой — старинный гарнитур, состоящий из софы и трёх кресел. Место для собраний было устроено вокруг маленького камина, который был установлен недавно и содержал в себе керамические дрова, горящие в огне, питаемом газом. Софа и одно обшитое кресло были инкрустированы узором из слоновой кости и золотых листьев. Некомфортабельно выглядящее кресло из чёрного дерева было засунуто в угол за камином. Последнее кресло — её кресло — было сделано из дорогой древесины и обтянуто тёмной кожей.

Катрина почти не обращала внимания на мужчин, собравшихся в комнате, — своих старших офицеров и советников. Она сидела, смотря в объектив встроенной в стену камеры, с напускным спокойствием. Над камерой располагался недавно установленный голоэкрэн, показывающий голову и плечи человека, принимающего участие в этом собрании с помощью виртуального средства связи, которое стоило Катрине — или, что более точно, государству Дэвионов — миллиарды в живых деньгах и в услугах, оказываемых Комстару.

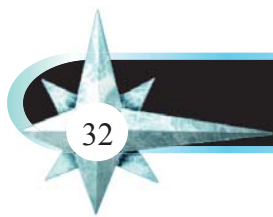
На экране рот Гэвина Доу превратился в тоненькую линию — он закончил свой доклад новостей об атаках Нефритовых Соколов и ждал её реакции. Воротник его зеленовато-голубого камуфляжного костюма был украшен золотом — небольшое отклонение от стандартной униформы комгвардии. Пряжка из чистого золота, которая прикрепляла плащ с левой стороны его груди, определяла его ранг — военный регент, *pro tem*², разумеется. Доу был регентом Таркада, человеком, ответственным за операции Комстара в Лиранском Альянсе, но также являлся, вместо Виктора, временно исполняющим обязанности главы войск Комстара.

— Назовите ещё раз названия атакованных планет, — попросила Катрина, неосознанно подняв руку, чтобы убрать несколько непослушных прядей золотых волос с лица.

Задержка между её вопросом и ответом Доу измерялась в микросекундах, и Катрина не могла не восторгаться мощной системой связи, которую она помогла сконструировать. Гиперимпульсные генераторы осуществляли мгновенную связь между мирами, находящимися на расстоянии пятидесяти световых лет друг от друга. Однако, как правило, гиперимпульсная станция получала входящие сообщения, а затем была должна поворачивать свою массивную тарелку вокруг, чтобы сконцентрированным пучком направить партию сообщений к следующему миру. Такая эстафетная передача могла занять дни, чтобы переслать сигнал с одной стороны Внутренней Сферы к другой, и это ещё лишь в случае передачи приоритетных сообщений. Оплатив Комстару постройку дополнительных передающих станций в ряде миров между Таркадом и Новым Авалоном, своими двумя столицами, она создала систему связи, которая могла поддерживать соединение в реальном времени.

Комстар сам подсоединился к этой системе, подключив к сети свою нынешнюю главную резиденцию на Тукейиде. Впервые узнав об этом, Катрина посчитала такой шаг беспринципным.

² Сокращение от лат. «pro tempore» — на время, временно.

Теперь же он оказался бесценным, поскольку Комстар — или, по крайней мере Доу, — делился информацией о недавних нападениях клана Нефритового Сокола на Лиранскую территорию.

— Блю Хоул потерян, — подтвердил Доу. — Соколы также нанесли удар по Кикую, Ку-кенс Плеже Пит, Баллинуру и Ньютаун Сквер. Только на Ньютаун Сквер они были отброшены назад.

Отчёт был коротким и точным. Доу не трудился смотреть в записи или просить у кого-то справки. Катрина слышала слухи, что он обладал почти идеальной памятью, и верила этому. Он никогда *ничего* не забывал. Если только сам этого не хотел.

— А что с нашим запросом относительно совместного удара по оккупационной зоне клана? — она старалась не смотреть в сторону на своих офицеров, что бы указало Доу, что за ним наблюдают. — Мне говорили, что с Тукейида вы бы могли совершить атаку, которая бы отрезала конец коридора вторжения Соколов. Это бы уменьшило давление на лиранские войска.

И дало бы ей больше свободы для продолжения противодействия проклятым мятежам брата.

Жёлто-зелёные глаза Доу потемнели, как будто он надел маску на своё лицо. Которую, в каком-то смысле, он вероятно и носил.

— В настоящее время это будет невозможно, — медленно и осторожно сказал он. — Вы должны понять, есть ещё два клана, слоняющихся вблизи Тукейида, выжидающих шанса ударить по Терре и потребовать титул ильклана. Комгвардия и СОЗЛ должны действовать таким образом, чтобы защитить *всю* Внутреннюю Сферу. В том числе и ваши Федеративные Солнца, и ваш Лиранский Альянс.

Объяснение, которое Катрина и её советники и ожидали услышать, и объяснение достойное уважения. С тех пор, как комгвардия была вытеснена с Терры «Словом Блейка», она попала в весьма взрывоопасное положение. Территория Свободной Республики Расальхаг, где располагалась комгвардия, сейчас представляла собой вооружённый лагерь, ждущий нападения клана — любого клана. Клан Нефритового Сокола, Волка и Призрачного Медведя уже оккупировали большой клин внутри пространства Внутренней Сферы, и им нельзя было позволить продвинуться ещё дальше.

Но получение прогнозированного отказа Гэвина Доу по этому вопросу было лишь первым шагом к настоящей цели Катрины — убедить его, что войска Комстара должны начать поддерживать её усилия по подавлению восстания Виктора. Доу был не только солдатом, но и политиком. Он знал о надеждах Катрины, и ему был знаком политический стиль «давай и получай».

Очевидно предвидя её следующий шаг, он быстро пошёл на предупреждение:

— Я также не добился успеха с примасом и Первым Кругом относительно вашего предыдущего запроса о том, чтобы предоставить дивизионы комгвардии в распоряжение командования на местах. Боюсь, что примас Шарилар Мори исполняет слишком много указаний Первого Лорда Куриты, а мы знаем, что Первый Лорд остаётся непреклонным относительно невмешательства.

Катрина сузила глаза, частично позволяя выйти наружу своему неудовлетворению.

— Ещё должно оставаться какое-то пространство для переговоров, Гэвин Доу. Ваш Шестидесят шестой дивизион на Таркаде открыто заявил о том, что будет защищать лиранскую столицу от любой внешней агрессии. Ни вы, ни ваш примас не подвергли цензуре это заявление регента Кессельринга.

— Перед тем, как присоединиться к Комстару, Даг Кессельринг был сыном лиранских дворян, и это даёт ему определённую свободу действий. Принимая во внимание его осведомлённость в лиранских делах, я убедил примаса позволить ему такую вольность.

— Не очень-то щедро, — холодно заметила она.

— Как вам будет угодно, ваше высочество. Это самое большее, что я могу сделать в настоящее время. — Гэвин Доу кивнул головой, его седые волосы заблестели под ярким светом. — Я остаюсь вашим верным союзником, архонт Штайнер. Вы поймёте это достаточно скоро.

Экран погас, и Катрина бросила вопросительный взгляд на двух офицеров, с воинской осанкой сидящих на софе, чтобы посмотреть, как они восприняли заключительные слова Доу. По-

стоянно обращаясь к ней как к Первой Принцессе или как к Штайнер-Дэвион, он акцентировал внимание на своей должности регента Таркада. Не очень утончённый способ указать, в какой плоскости лежат приоритеты — по крайней мере, для него.

Одним из двух офицеров был Симон Галлахер, фельдмаршал марки Круцис и Защитник Принца. В одной руке он держал, покусывая, свои очки с круглыми стёклами, и поглаживал макушку лысеющей головы другой, выравнивая остатки своих тонких седых волос. Галлахер был рождён в Лиранском государстве, и он служил Катрине сначала как архонту, а затем — как принцессе.

Другим офицером был Джексон Дэвион, её двоюродный брат и Маршал Армии Федерации Солнц. В другой реальности он мог бы быть тем человеком, которого Хэнс Дэвион хотел бы видеть своим сыном и наследником. Высокий и сильный, с резкими чертами лица и рыжевато-светлыми волосами рода Дэвионов, он был офицером из офицеров. К счастью, он также был и истинным патриотом, и принял Катрину как легитимного правителя Федеративных Солнц. Его клятва верности, данная однажды, не могла быть нарушена. Его голубые глаза потемнели от ярости из-за пренебрежительного отношения Гэвина Доу к его нации и наследию Катрины Дэвион.

— Я не доверяю ему, — сказал Галлахер. — Он отказывается действовать по своим собственным соображениям, ваше высочество. Можете в этом не сомневаться. Военный регент Комстара не может приказать своим войскам вступить в битву? Даже маленькие силы, ударив по Соколам с тыла, уменьшили бы их давление на Лиранскую территорию.

Катрина облокотилась на высокую спинку своего кресла, подтянула ноги и пригладила на них складки изумрудной юбки. Приятный запах мягкой кожи кресла утешал, напоминая те дни, когда этот кабинет принадлежал её отцу, и она приходила сюда ребёнком. Она вспомнила, как претворялась, что руководит величественным государством под названием Федеративное Содружество. Теперь эта детская мечта стала реальностью, хотя для достижения цели ей и пришлось разделить два государства. Но угроза любому из них была угрозой для её власти.

— Что если бы мы нашли другого союзника против Соколов? — невинно спросила она, желая посмотреть, разовьёт ли кто-то из офицеров эту идею дальше. Ричард Дехейвер, глава службы разведки, сидящий в угловом кресле, заметно оживился.

Джексон Дэвион нахмурился.

— Синдикат Драконов? Чтобы ударить по Соколам, им пришлось бы обходить и Призрачных Медведей, и клан Волка. Получить от них помощь — весьма маловероятно, особенно учитывая несанкционированные атаки на них со стороны герцога Сандовалья в прошлом году. И я бы сказал, что отсутствие новостей с их стороны, наблюдаемое в последнее время, заставляет предполагать, что у них есть другие заботы.

— Например? — спросил Дехейвер, вступая в беседу. — Ты думаешь, они собираются напасть на нас в отместку?

— Может быть, — Джексон рывком выпрямил рукава. — Когда Дракон замолкает, это значит, что что-то происходит. В прошлый раз это были чистки в их Службе Внутренней Безопасности. А сейчас...

Он сделал паузу и подумал.

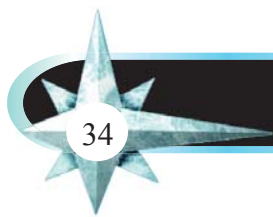
— Движение прыгунов практически сошло к нулю. Связь вдоль границы умолкла, я имею в виду — умолкла полностью. Они что-то скрывают от нас. Имейте это в виду.

— Мы выясним, что это, — пообещала Катрина. Она не смогла не взглянуть на пустое кресло, в котором должен был сидеть её советник из лиранской разведки. — А тем временем, я хочу рассмотреть другие варианты. Доу сказал, что атака Соколов была отбита на Ньютаун Сквере. Это система Адама. Он будет координировать действия с маршалом Брайан.

— А как насчёт оборонительного рубежа Арк-Ройяла? — невыразительно поинтересовался Дехейвер.

При мысли о Моргане Келле и его оборонительном рубеже Арк-Ройял руки Катрины сердито сжались. Она заставила их расслабиться, желая действовать с холодной головой, а не во гневе.

— Морган хотел получить власть над частью границы, вот пускай и разбирается с ней сам.

Катрина получит выгоду в независимости от того, кто выиграет ту битву. В идеальном мире Нефритовые Соколы столкнулись бы с «Гончими Келла» и Волками в изгнании Фелана, и прикончили бы друг друга.

— Пока это всё, джентльмены. — Она кивнула на прощание своим двум главным военачальникам, которые мгновенно поднялись, как будто подобная коммуникабельность облагалась налогом. Катрина чувствовала себя в своей тарелке, когда дело доходило до неформальных встреч, и если это давало ей ещё большую власть над мужчинами, такими как Джексон Дэвион и Симон Галлахер, — тем лучше.

Дэвион задержался, обождав, пока Галлахер выйдет.

— Если войска Синдиката собираются с силами, чтобы напасть на нас, то, мы сейчас не в той форме, чтобы встретить их, ваше высочество.

Катрина невозмутимо встретила его взгляд, выдержала его, кивнула.

— Делайте всё, что необходимо, Джексон. Вы обладаете полным моим доверием.

Он стал в стойку, поклонился и покинул кабинет.

— Проследите, чтобы Галлахер был в курсе его действий, — сказала она Дехейверу. — Если по какой-то причине нужно будет переубедить Джексона Дэвиона, лучше делать это с помощью моего защитника.

— Разумеется, ваше высочество. — Дехейвер встал, подошёл к пустому креслу и удобно устроился среди слоновой кости и золотой обивки. Если бы не его безжизненные глаза, то со своими рыжими волосами и мальчишескими веснушками он бы выглядел совершенно безвредным. — Вы знаете, что он прав. Марка Дракона не готова к нападению.

Разумеется, Катрине это было известно. Среди всех вспышек неповиновения и восстаний, марка Дракона, управляемая герцогом Джеймсом Сандовалем, была в самом худшем состоянии. И всё из-за Танкреда Сандовалья, сына герцога, который был сторонником Виктора и поставил всю марку с ног на голову, соперничая со своим отцом. В результате герцогу приходилось разделять свои время и силы между вечной ненавистью к Синдикату Драконов, осторожной и ограниченной поддержкой Катрины и новой угрозой, созданной его плотью и кровью.

— Я предполагаю, вы до сих пор возражаете против использования силы для устранения Танкреда Сандовалья?

— Несмотря на имеющуюся в настоящее время *политическую* вражду между отцом и сыном, семья Сандоваль остаётся краеугольным камнем Федеративных Солнц. Биография герцога говорит о том, что он не мешкая обратится против вас, если будет уверен, что вы прямо навредили его семье или его народу. В сложившейся же ситуации, разбираясь с Танкредом, он наоборот будет мешать Виктору легко пройти через марку Дракона.

Собрав длинные волосы обоими руками, Катрина завязала их в импровизированную косу, которую перекинула через плечо. Дехейвер был одним из немногих мужчин, на которых её красота и присутствие *не действовали*. С ним она могла вести себя естественно.

— Возможно, атака клана отвлечёт и моего брата. Он никогда не мог упустить случая повоевать с ними.

Дехейвер некоторое время выдержал это замечание без ответа.

— Ваше предложение о поиске других когтей, которые могли бы поранить Соколов, ваше высочество. Вы подразумевали кого-то?

Она собралась, не давая себе совершить какой-либо нервный жест или высказать эмоции.

— О ком вы говорите, Ричард?

Он пожал плечами, потёр руки.

— Объективно оценивая ситуацию, самой явной угрозой для Нефритовых Соколов на самом деле является клан Волка.

— Такое создаётся впечатление, — осторожно согласилась Катрина, ожидая, что он скажет дальше. Одной рукой погладила гладкую резную ручку кресла, изображая безразличие, которого на самом деле не чувствовала. Она не намеревалась упоминать о своих неофициальных отношениях с Владимиром Уордом, ханом «другого» клана Волка.

Хотя, конечно, был соблазн. Если бы Влад ударил в тыл Соколам, а она произвела контрнаступление из лиранского пространства, они могли бы поделить оккупационную зону Соколов и избавить Внутреннюю Сферу от ещё одного захватчика. И если бы не её беспокойный братец, который, кажется, собирался продолжать жить, невзирая на все её усилия, Катрина могла бы выделить свои личные время и усилия, чтобы организовать такое предприятие.

Кажется, всё всегда сводилось к этому. *Если бы не Виктор...* После того, как прошёл год с момента его восстания, она начала сожалеть, что наняла убийцу для его драгоценной Оми, а не для него самого. Покушение на Оми — имевшее целью сломить дух Виктора и наказать его за противодействие тому, чтобы она стала Первым Лордом Звёздной Лиги — не удалось на Могьёроде. Хуже того, оно стоило ей двадцать пять миллионов крон, задатка, составлявшего половину полной стоимости, за который она ничего не получила.

Почувствовав, что настроение портится, она надела свою маску и махнула рукой Дехейверу, отпуская его. Сейчас она хотела насладиться бокалом вина и теплом камина, обдумывая планы на конференцию Звёздной Лиги, которая должна состояться в ноябре. На этот раз ничто не сможет помешать ей стать Первым Лордом.

«Всегда мечтай о великом», сказал ей однажды отец. Это было перед войной 3039 года, вероятно, когда он ещё планировал свой триумф над Синдикатом Драконов. Это ему не удалось, и Катрина не забыла об этом. Мечтать было недостаточно. Планирование. Интриги. Действия! Она определённо собиралась добиться успеха там, где остановился её отец, добраться до пункта, о котором её отец лишь мечтал. Первый Лорд Звёздной Лиги.

А раз получив, она никогда его не отдаст.

— Есть ещё один вопрос, — сказал Дехейвер, прерывая её грёзы. Он уже стоял на ногах. — Человек по имени Редж Старлинг.

Катрина почувствовала, как самообладание покинуло её на какие-то доли секунды, но она знала, что Дехейвер заметил эту её маленькую оплошность. Он ждал этого момента, набросив на неё эти слова, как силовик. Имя Редж Старлинг она знала достаточно хорошо. Это была поддельная личность Свена Ньюмарка, человека, который в прошлом помогал ей с некоторыми «делами».

— Редж Старлинг мёртв, — сказала она. Самоубийство, согласно официальному докладу, который она тщательно изучила, когда наконец получила его от Лиранской Службы Разведки.

— Тот факт, что вы знаете даже об этом, ваше высочество, придаёт ему ещё большую важность, чем я мог бы подумать. Могу ли я рекомендовать вам, чтобы вы за пределами этой комнаты никогда не признавали, что знаете его имя?

Она вызывающе подняла голову, одновременно с любопытством и осторожностью.

— С чего бы это?

— Когда кто-то поднимет вопрос о новом цикле картин, было бы лучше отрицать эту новинку, как такую, которая *далека* от вашей точки зрения.

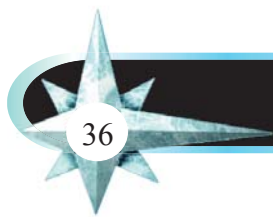
— Новый цикл? — Катрина ненавидела манеру Дехейвера уклоняться от сути разговора. — Говорите яснее, Ричард.

— Этот цикл называется «Кровавая Принцесса», и я боюсь, что вы являетесь центральным объектом его искусства, который, как я думаю, он называет «политика ножей». Каждый оригинал подписан, датирован и подтверждён *после* даты его *предполагаемого* самоубийства. Мы сейчас разбираемся с этим, но мой вопрос к вам состоит в том, насколько важно, чтобы этот человек *оставался* мёртвым?

Катрина уловила ударение, которое Дехейвер делал на даты и на теперь спорный факт о смерти Старлинга.

— Почему Мэттью не доложил мне об этом? — спросила она, кивая в сторону кресла, на котором только что сидел Дехейвер, и которое во время предыдущих совещаний занимал её советник из ЛСР.

— Я перехватил его и направил Мэттью обратно провести *немедленное* расследование, — сказал Дехейвер. — В любом случае, я не думаю, что он хотел быть тем, кто расскажет вам

об этом. Поэтому, если вы не возражаете, я буду согласовывать действия Лиранской Службы Разведки с местным министерством разведки по этому вопросу.

Ещё одно промежуточное звено между Катриной и расследованием. Но также и шаг вверх по властной лестнице для Ричарда Дехейвера. Катрина не упустила *этот* подтекст. Ни в малейшей степени.

— Вы быстро становитесь незаменимым советником, Ричард. Или крайне опасной помехой.

— Она дала ему некоторое время понять сказанное.

— Действуйте по собственному усмотрению, — приказала она. Затем кивнула головой, окончательно отпуская его. Он был достаточно умён, чтобы понять этот знак.

— Как вы говорите, это под моим контролем.

7

Студия Феникс

Бреммертон, Упано

Провинция Ковентри, Лиранский Альянс

24 мая 3064 г.

Сгоревшее офисное здание было пятном на городе Бреммертон планеты Упано уже на протяжении трёх лет. Низкий и широкий двухэтажный дом был заколочен досками, на его нижний этаж не проникал свет, а висячий замок на металлической изгороди закрывал главный вход. Кирпичные стены и наполовину провалившаяся крыша несли на себе следы от огня. Окна второго этажа, открытые всем стихиям, вытаращились на улицу своими почерневшими глазами, и после сильного дождя запах пепла и древесного угля от пожара всё ещё доносился оттуда.

Содержание здания в неприкосновенности и, желательно, вдалеке от внимания городских властей было нелёгким подвигом, даже несмотря на то, что это место находилось в отнюдь не фешенебельном восточном районе Бреммертона. Такая задача требовала обещаний о восставлении и благодарностей, замаскированных под политические взносы и благотворительные пожертвования. Она требовала постоянного переоформления разрешений на работу и новых планов здания, включая девятимесячное вождение чиновников за нос, пока наконец все способы объявить здание архитектурным памятником не были исчерпаны.

Это оказалось одной из самых сложных миссий Франчески Дженкинс.

Теперь же пришло время прикрывать лавочку, хотя и не по её воле. Франческа проверила замок на следы взлома и затем, перед тем как войти, подала знак Курайтису. Он догнал её в заваленном мусором лестничном колодце, где они, поднимаясь по лестнице, каждый отдельно проверяли все сигнальные устройства, осторожно обходя ступеньки, которые они или оснастили ловушками, реагирующими на давление, или подпилили, чтобы они проваливались под весом. Лишь ещё один человек знал все ловушки, и если бы он совершил *здесь* ошибку, всё бы было закончено.

К тому времени, как они забрались на второй этаж, оба бывших агента Секретариата Разведки были убеждены, что никто не появлялся здесь в их отсутствие. Франческа удовлетворённо кивнула Курайтису, глядевшему прямо сквозь неё своими ледяными глазами, в которых ничего нельзя было прочесть. Ей было всё равно. Она привыкла к этому.

Мастерская была спрятана в конце короткого коридора, заблокированного двумя хорошо закреплёнными дверями. Там не было окон, которые бы могли выдать движение. Ничего, что могло бы выдать внешнему взгляду какой-либо свет.

Пройти во вторые двери было всё равно, что очутиться в другой реальности. Обуглившаяся штукатурка и разрушенные балки сменялись паркетом, обшитыми деревом стенами и новым подвесным потолком. Продуманная компоновка комнаты оставляла достаточно пространства для открытой кухни, жилой площади и спальни, отделённой панелью сёджи. Практически половину комнаты занимала Студия Феникс, как про себя назвала Франческа новый дом Реджа Старлинга. Пачка пустых полотен стояла прислоненными к стене, а посередине находились три мольберта, завешенных ядовито-зелёной тканью. Пол забрызган краской, некоторые из высохших пятен настолько большие, что кто-то мог вступить в них.

Великий Валерий всё ещё спал, хотя уже был почти полдень, а автоматический таймер включил свет. Панель сёджи была установлена так, что отбрасывала тень на кровать, но Курайтис решил эту проблему, повалив панель, которая упала на пол с громким деревянным стуком. Гора на кровати подскочила и зарокотала, как будто остров во время землетрясения, находящийся под одеялом. Толстая рука наполовину стащила покрывало, и на них уставилось крупное лицо Валерия Саймонса.

— Ты даже не представляешь, насколько сильно я раздражена, — начала перебранку Франческа.

Как и большинство крупных мужчин, Саймонс обладал существенными запасами неиспользованной энергии. Лишь этим можно было объяснить то, как быстро он поднял свою массу с кровати, отбрасывая одеяла в сторону и поправляя свою полосатую пижаму. Складки жира трепыхались и бились под фланелевой тканью, заставляя Франческу подумать о плохо одетом двойнике Человека-Желе из популярного головизионного сериала.

— И вас с добрым утром, милая леди, — спросонья прорычал Саймонс, лишь сейчас осознавая, что уже стоит на ногах. Он стянул полотенце со спинки кровати, потёр им лицо. — А, и вы на этот раз привели с собой живое ледяное изваяние. Как чудесно!

Франческа была не в настроении для упражнений в сарказме. Она поставила свой рюкзак на пол, и кивнула Курайтису.

— Прекращай, *Валерий*, и одевайся. Ты сегодня выезжаешь.

— Выезжаю? — Он смотрел то на Франческу, то на Курайтиса. — Но цикл не завершён. Вы говорили, нужны ещё три «оригинала». Мы же договорились.

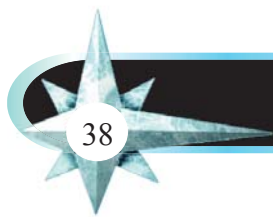
— Договорённость зависела от выполнения тобой простейших мер предосторожности, разработанных ради твоей же безопасности, — прямо заявил Курайтис. — Осуществлять вход и выход из здания разрешались только ночью. Никто не должен был знать о твоём местонахождении. И *ни при каких обстоятельствах* тебе нельзя было даже давать намёка о том, что Редж Старлинг находится на Упано.

Саймонс вздрогнул, как от удара.

— Ну хорошо, я продал несколько эскизов ранних картин из цикла «Кровавая Принцесса». Но я мог достать их с помощью своих связей на Нью-Эксфорде. — Он попытался придать голосу нотки возмущения. — И исходя из того, что я получаю за шедевры Старлинга, я не вижу причин, по которым мне было бы запрещено получать дополнительный заработок. Я смотрю новости. Эти картины становятся его самыми культовыми работами.

Франческа жестами показала Курайтису, чтобы тот начал зачистку. Он вытащил баллончик из своего рюкзака, пошёл в ванную, открыл аэрозоль, затем бросил шипящую жестянку под ванну и закрыл дверь.

— Во-первых, — сказала она Саймонсу, — в тех редких случаях, когда Редж делал эскизы, он *никогда* не позволял им попадать в руки коллекционеров. Он даже никогда не давал никому

смотреть на них. Он сжигал их как можно быстрее. Во-вторых, не имеет значения, *мог* ли ты получить их легальным путём. Ты уже имеешь проблемы с законом на Нью-Эксфорде за подделку работ Реджа. Мы не можем позволить, чтобы твоё имя связывали с этой серией, иначе всё дело развалится.

Она нагнулась и выудила зажигательное устройство из своего рюкзака, помахав ею перед носом у Саймонса.

— А теперь — одевайся!

— Ну хорошо, — сказал он. — Но не могли бы вы выйти из комнаты, пожалуйста?

— Натягивай одежду поверх пижамы, — сказала ему Франческа. — Нам нужно заниматься делом.

Она начала собирать полотна на полу, сбрасывая их в хаотичную кучу.

Аэрозоль, который Курайтис открыл в ванной, уже начал выпускать языки пламени в студию. Судя по резкому запаху, это был какой-то растворитель на основе бензина. Её нос стало жечь, и Франческа начала дышать ртом.

— Что это за вещество? — спросил Саймонс, одной рукой влезая в рубашку.

— Оно соединится с и растворит любые краски и другие следы, которые ты оставил в студии, — сказал Курайтис. Он переместился в кухню, оставляя открытыми дверцы в духовку, холодильник, буфет; вытащил ещё один поджигатель с временным механизмом, установил его и прикрепил к двери холодильника.

— Оно также крайне легковоспламеняющееся, — добавил он, и Саймонс начал одеваться быстрее.

Франческа сбросила ткань со всех мольбертов, оценивая на свой любительский глаз находящиеся на них картины. Незаконченные работы определённо напоминали стиль Реджа, но чего ещё можно было ожидать, если Валерий обманул даже экспертов на Нью-Эксфорде? Этот человек был свиньёй и полным эгоистом, но у него был талант, этого нельзя отрицать.

— Ах, Редж, — прошептала она картине. — Одобрил ли бы ты наш план?

Ей хотелось верить, что он бы одобрил. Франческа потратила очень много времени, чтобы подружиться с Реджи, и была одной из немногих во всей Внутренней Сфере, кто знал о прошлой жизни неоготического художника, проведенной под именем Свена Ньюмарка.

В качестве помощника покойного Райана Штайнера Ньюмарк помог осуществить убийство Мелиссы Штайнер-Дэвион. Франческа сомневалась в том, понравился ли бы ей Ньюмарк, но она полюбила того человека, которым он стал, убегая от своего прошлого. Уже как Редж Старлинг он агитировал за полное раскрытие информации о событиях, связанных с войной кланов, включая смерть Мелиссы. У него также были доказательства, необходимые для того, чтобы связать Катерину с организацией этого покушения.

К сожалению, агенты Катерины добрались до Реджа Старлинга и помогли ему совершить самоубийство до того, как он полностью успел всё рассказать Франческе. Но у Реджа были длинные руки, и он мог доставлять неприятности даже из могилы. Он сделал так, что свидетельства оказались в руках Франчески — теперь они находились на сохранении у Виктора — свидетельства, которые Франческа и Курайтис в настоящее время и пытались обосновать. План был простым: убедить Катерину в том, что Старлинг-Ньюмарк до сих пор жив, и подтвердить свидетельства с помощью её попыток убрать его.

Франческа нажала на кнопку баллончика с растворителем, нанося на каждую из картин солидную дозу.

— Сейчас ты уничтожаешь шесть месяцев работы, — вскрикнул Саймонс. — Мы могли бы взять их с собой!

— Нет, — сказала Франческа. — Нельзя чтобы нас видели перевозящими незаконченные работы Старлинга. Да и если бы Редж убежал, то он бы позаботился о том, чтобы уничтожить их до неузнаваемости.

Она сорвала крышку с аэрозольного баллончика, швырнула шипящую жестянку в середину студии и поместила магний-содержащий термит на один из мольбертов. Курайтис раскрыл

ещё один аэрозоль в кухне, бросил последний взрыватель на кровать Саймонса, а затем погнался толстяка к двери.

Франческа открыла очередной растворитель и оставила его разбрызгиваться прямо за дверью коридора. Затем они поспешили — не к ступенькам, а к грузовому лифту в задней части здания. Франческа взломала пульт управления и соединила два проводка.

— И всё это время в доме был работающий лифт? — недовольно спросил Саймонс, пока кабина тяжело сползала вниз. — Вы могли бы сказать мне об этом!

— Мы не хотели, чтобы тебе было слишком легко приходить и уходить, — сказал Курайтис, надевая прозрачную перчатку. — Ты мог бы потерять бдительность.

Ответа на это возражение не последовало. Он взял распылитель и смочил пальцы маслянистым туманом, намазал на них немного грязи с пола.

— На кнопку? — спросил он Франческу.

Она покачала головой.

— Не так беспечно. На обратную сторону пульта управления.

Курайтис вытер руку в перчатке о рукав другой руки, схватил пульт управления прямо за край, частично захватывая пальцами как переднюю, так и заднюю сторону. Затем он отпустил её и манжетой протёр пульт спереди, оставляя ложные отпечатки сзади. Сняв перчатку, он положил её обратно в свой рюкзак.

— Думаешь, кто-то сможет найти это? — посмеялся над ним Саймонс.

Курайтис обратил на него свой холодный взгляд.

— Я бы нашёл.

Франческа просунула руку сквозь щель обитой двери заднего выхода, открыла замок, дверь повернулась на смазанных петлях.

— Выглядит чисто, — сказала она. — Я думаю, мы сделали всё вовремя.

— Эээ... послушайте, — Валерий Саймонс издавал виноватые звуки глубоко в горле. — Возможно, я не смог внятно выразить свою благодарность за ваши усилия по содержанию меня вне тюрьмы. Или за, как бы это сказать, трудоустройство.

Франческа и Курайтис обменялись взглядами. Курайтис пожал плечами — редкое проявление собственного мнения с его стороны.

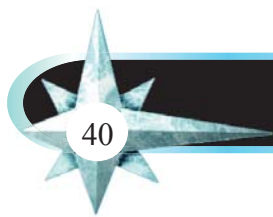
— Всё в порядке, Валерий, — Франческа похлопала по мясистой руке художника. — Мы тоже не возражаем против новой работы, которую ты нам предоставил.

Саймонс нахмурился. Он в самом деле не понимал игр, в которые играли эти агенты.

— И что же это будет за работа? — спросил он.

Они вывели его в переулок к ждущей машине. Франческа осмотрела окна и крышу, доверив проверку нижней части Курайтису. Потом они посадили в машину Саймонса, Курайтис сел за руль, а Франческа проскользнула вслед за толстяком.

— Сохранить тебя в живых, — сказала она, закрывая за собой дверь.

*Атолл, Халфуэй
Провинция Болан
Лиранский Альянс
4 июня 3064 г.*

Раскрашенные в бледно-лиловый и золотой, с парчовыми обоями, изображающими виноградные лозы и цветы и подделывающими ванчёс, главные апартаменты «Счастливой Шлюхи» были не менее яркими, чем всё остальное в этом заведении. Потемневший камин перестал использоваться, уступив место центральному отоплению, а угнетающий запах орхидей навсегда впитался в стены, плисовые ковры и пуховые одеяла. Эти апартаменты не были «рабочей комнатой», иначе Виктор не спал бы в ней, в независимости от того, насколько здесь было безопасно.

Проснуться в настоящей кровати — особенно в шедевральном образце с ручной резьбой из Тимбукту — было странным ощущением. В течение последних семнадцати месяцев выбор его спален был практически целиком ограничен каютами транспортных кораблей, военными походными раскладушками, койками в госпиталях или просто стульями у стола в различных временно занятых офисах от мира к миру. Его последний полуудобный сон был на Ковентри, когда он гостил у герцога Брэдфорда и планировал несостоявшееся нападение на Алариион. До того был Могъёрод, где каждое утро он просыпался рядом с Оми Курита.

Его сны о Могъёроде развеялись с утренним светом, оставляя лишь воспоминания о том далёком времени. В конце концов ему пришлось отослать Оми, ради её собственной безопасности. Но сильное желание поднять отношения на следующий уровень, открыто объявить о них, присутствовало всегда.

Виктор отбросил покрывала и уселся на краю большой кровати, — его ноги чуть не доставали до пола. Он взъерошил свои светлые песочные волосы, внезапно почувствовав деревенскую свежесть в этой псевдоутончённой комнате, затем встал и направился в прилегающую ванну для утреннего омовения. Полчаса спустя он одел форму, в которой был прошлым вечером, пригладив самые сильные складки ладонью.

Жизнь в картинах висела на стенах. Жизнь мадам. Виктор упорно старался не смотреть туда слишком внимательно, чтобы никого не узнать. За пределами спальни было место для собраний, где на столе стояла видеостанция. Он сел в, к удивлению, удобное деревянное кресло с прямой спинкой и провёл некоторое время проверяя личные сообщения, которые постоянно собирал во время перелётов между мирами.

Ивонна, его младшая сестра, записала одно сообщение относительно своих планов посетить Танкреда Сандовая. Танкред, в более длинном видео, рассказывал о своих успехах и неудачах в марке Дракона и говорил, что он посетит конференцию Звёздной Лиги. Затем такое же время он посвятил рассказу о том, как сильно он хотел вновь увидеть Ивонну. Виктор пожелал им обоим удачи.

Далее было исключительно голосовое сообщение, даже несколько, от военного регента Гэвина Доу, и все предлагали Виктору отказаться от услуг дезертировавшего 244-го дивизиона. Виктор был вынужден отметить, что ему придётся пройти через политический ад, в случае если он когда-либо будет в состоянии восстановиться на своём старом посту регента по военным вопросам. Также там было сообщение от Кая Аллард-Ляо, который уведомлял, что ему не разрешат посетить конференцию Звёздной Лиги в ноябре. Не в последний раз, подумал Виктор, проклиная Сунь-Цзы Ляо. Потом пошла длинная очередь сообщений от разных офицеров, дворян и секретных агентов об их работе или борьбе в отдельных мирах.

Но от Оми ничего.

Лёгкий стук в дверь отвлек Виктора от длинного списка военных отчётов.

— Войдите, — сказал он, ставя на паузу последнее видеосообщение.

Дверь со скрипом открылась, и в прорези двери появился вычищенный до блеска ботинок. Открывая тяжёлую дверь до конца, лейтенант-полковник Даниэль Аллард вошёл в комнату, держа в руках поднос с завтраком для Виктора. Дэн, у которого были отцовские светлые волосы и пытливые голубые глаза, принял командование над легендарными «Гончими Келла» после выхода в отставку Моргана Келла. Тканевые вставки на передней стороне его двубортного форменного пиджака сходились вместе, образуя отличительный знак подразделения: чёрно-красную голову гончей, эмблему, которую знали и уважали по всей Внутренней Сфере.

Видя, как Аллард подносит завтрак, Виктор не мог поделать ничего иного, как молча в изумлении уставиться на него.

— Уууу, ты уже проснулся, — Дэн поставил поднос на свободное место перед Виктором, гремя серебром и фарфором. — Я хотел, чтобы моя памятная табличка гласила, что я здесь подносил тебе завтрак в постель.

Виктор поднял руки вверх, сдаваясь.

— Не начинай. Я думаю, Джерри и Тиарет сговорились известить меня.

Он посмотрел на поднос. Яйца, утиный паштет на тостах, колбаски, в количестве, достаточном, чтобы удовлетворить голод трёх человек, и сок. Пахло пикантно и восхитительно.

— Кто зачислил тебя в кухонную челядь?

— Вообще-то я перехватил Тиарет, которая несла это, атаковал её с превосходящей позиции и взял контроль над ситуацией по своему усмотрению.

— Говоришь как выпускник академии Нового Авалона, — отметил Виктор, пожимая другу руку и указывая на соседнее кресло. — И какова же была твоя превосходящая позиция?

— Я отбываю через час и хотел проститься. Если сильно потороплюсь, могу попасть на тот же прыгун, которым отлетают Морган и Фелан.

Виктор кивнул с сожалением.

— Прости за то, что заставил проделать тебя весь этот путь напрасно. Особенно учитывая то, что творится на оборонной рубеже Арк-Ройяла. Твои люди владеют ситуацией?

— Акира и Скотт могут со всем справиться без меня. Волки Фелана уважают их, поэтому они могут работать скоординировано.

Аллард наклонился вперёд, положив локти на колени и сомкнув ладони.

— Ты сделал правильный выбор, Виктор.

— Надеюсь. Это было нелегко, — Виктор попробовал сок. — Я сражался с кланами на протяжении всей своей профессиональной и политической жизни, Дэн. Они размахивают красной тряпкой, и я обычно готов бросаться на неё. Повернуться к ним спиной сейчас для меня всё равно что самолично кликать беду.

Несмотря на это, Виктор знал, что первыми должны идти его люди, особенно теперь, когда он ступил на путь гражданской войны. Он знал это, но это не значило, что ему это должно было нравиться.

Аллард взял колбаску и помахал ею перед Виктором, словно учитель указкой.

— Если бы ты сейчас бросился на них, то это бы сыграло на руку твоей сестре, и ты это понимаешь. Соколы хотят битвы, и мы дадим им её. ОРАР устоит. И я думаю, ты можешь положиться на этого Арчера Кристифори. Он выглядит умелым солдатом.

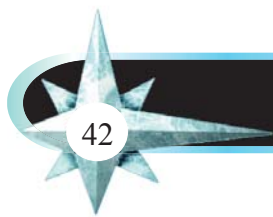
— Он им и является. И нам чертовски повезло, что он на нашей стороне.

— Это не удача, Виктор. — Аллард улыбнулся и дожевал колбаску. — Ты окружаешь себя компетентными людьми, и получаешь соответствующие результаты.

Он выпятил грудь и поводил ногтями по поверхности пиджака.

— Сейчас тебе нужно заботиться только о конференции Звёздной Лиги, брожениях в провинции Скай и о победе в гражданской войне.

— Спасибо. Если пытаешься успокоить меня, — сказал Виктор, делая паузу для придания драматизма словам, — то у тебя выходит.

Он улыбнулся. С теми людьми, которых он имел на своей стороне, он мог думать об интенсивных атаках Нефритовых Соколов на лиранское пространство и почти не волноваться. Почти. Его улыбка поблекла.

Аллард воскликнул:

— Чёрт возьми, Виктор, оставь это! Ты сделал свою часть работы, предотвратив Армагеддон. Пусть теперь Катерина для разнообразия побеспокоится о кланах, и пусть для неё станет жизненным шоком осознание того, что ты совершил в то время, когда она повернулась спиной.

Он с подозрением посмотрел на своего друга.

— Что?

Виктор замер с кольцом колбасы, находящемся на полпути ко рту, его мозг интенсивно работал. Затем последовал почти слышимый щелчок, — кусочек головоломки, с которой он боролся, встал на своё место. Он был настолько поглощён мыслями о Соколах и о том, чтобы вновь броситься в битву с ними, что даже не думал о возможности применения хитрости.

— Ты военный гений, мой друг, — провозгласил он.

— Именно об этом я и говорил! — сказал Аллард.

Виктор лишь улыбнулся, впился в пряное колбасное мясо, смакуя свои многообещающие планы.

9

Посадочный корабль «Гордость Арктура»

В подлете к планете Халфуэй

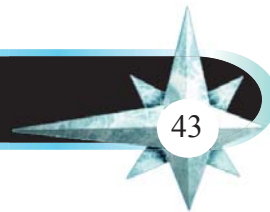
Провинция Болан

Лирианский Альянс

11 июня 3064 г.

Капитанский мостик транспортного корабля «Гордость Арктура» зашатался под новым вражеским залпом, и полковник Линда Макдональд быстро схватилась за край ближайшей консоли, для удержания равновесия широко расставив ноги на палубе. Переработанный воздух со свистом вырывался из вентиляционного отверстия позади неё, ударяя в спину, словно холодное дыхание. В преддверии боевой высадки она была одета только в ботинки мехвоина, шорты и охлаждающую безрукавку поверх узенького топа, и чувствовала, как её ноги и руки покрываются гусиной кожей. Её щёки онемели от холода, и она не понимала, что случилось с её обычной бодростью и уверенностью. Она была наземным офицером и слишком много времени провела на гарнизонной службе, поэтому, принимая участие в космической битве, чувствовала себя определённо не в своей тарелке.

Правда, этого никто не заметил. Экипаж корабля класса «Леопард» имел более чем достаточно хлопот, пробиваясь сквозь линию вражеских космических истребителей, чтобы осуществить высадку на Халфуэй. Пилоты распределяли своё время между вычисленными ком-

пьютерами маршрутами и реальной битвой, отображаемой на трёхмерном голографическом экране. Оружейники управляли различными огневыми отсеками «Гордости Арктура». Ими всеми руководил капитан Томас Микельсон, выкрикивая краткие приказы и координируя прорыв двенадцати транспортных кораблей Одиннадцатого Арктуранского гвардейского полка с действиями его аэрокосмической бригады. Если он и обращал внимание на Линду Макдональд, то это были лишь проявления недовольства по поводу того, что она всё ещё была на *его* капитанском мостике.

Двое старшин по контролю за повреждениями работали на месте погашенного электрического пожара, проверяя схемы и пуская ток в обход повреждённого компьютера. Едкий запах сгоревшей изоляции ударил ей в нос и заставил слезиться глаза. Поморгав, она уставилась в голографический экран. Он показывал, что ещё одна пара истребителей Шестого Круцисского уланского полка пробилась сквозь аэрокосмическое прикрытие, группой атакуя «Леопард»: пробиваясь лазерами сквозь броню, вырезая в борте проход для вакуума. «Гордость Арктура» содрогнулся и закачался, — неконтролируемый поток воздуха хлынул из посадочника.

— Вспомогательный технический отсек шесть-тэ-один-один разгерметизирован, — сообщил на мостик офицер по контролю за повреждениями по прямому каналу. — Со всей шестой палубы приходят сообщения об утечках воздуха.

Офицер по контролю за повреждениями всегда говорил спокойно, но Макдональд предположила, что это было логично, так как он сам был хорошо защищён, находясь в центре корабля.

Ещё один удар сотряс транспортник — тройка истребителей уланов прошла по его верху, буравя обшивку и избегая ответного огня. Макдональд только сейчас определила, что в прошлый раз атакующими были «Стингрей». Вражеские истребители продолжали проскальзывать сквозь аэрокосмический заградительный огонь, как будто его и не существовало, производя высокоскоростные выпады, которые обороняющиеся редко замечали до тех пор, пока истребители не оказывались прямо над ними.

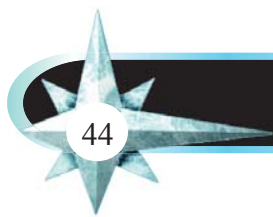
Она сердито нахмурилась. Если бы только у неё был боевой корабль, уланы бы не чувствовали за собой такого превосходства. Но его у неё не было. Только один корвет класса «Фокс» отправился с ними с Йорка, и он был у Марии Эстебан.

Разделив атакующие силы на две группы, Эстебан оставила боевой корабль «Роберт Келсуа» в качестве своего флагмана. Макдональд контролировала точку надира, в то время как Эстебан прыгнула в точку зенита далеко над эллиптической плоскостью системы. С ней были егеря Альянса и полковое соединение провинциального ополчения, собранного на Карлайсле, Аларионе и ещё полудюжине миров на протяжении до Тимбукту. Когда они не обнаружили никаких следов прыгунов Виктора Дэвиона ни в одной из точек, они предположили, что те прячутся глубже в системе и начали атаку на Халфуэй.

Три дня спустя они так и не встретили сопротивления, посадочные корабли развернулись, направляя свои термоядерные двигатели в сторону системы, начав долгий процесс торможения, который в конце концов должен был привести их на орбиту Халфуэя и дать возможность высадить десант. Лишь сегодня, когда изображение планеты на мониторах увеличилась, на встречу им наконец вышла аэрокосмическая бригада Шестого Круцисского уланского полка. Опытные уланы контролировали космос вокруг Халфуэя, и, в отличие от её собственного подразделения, несомненно, всей бригадой были тренированы для битв в условиях нулевой гравитации. Игнорируя Эстебан и избегая столкновения с её боевым кораблём, они крепко взялись за Одиннадцатый гвардейский полк. Потери росли, и Макдональд ничего не могла поделать.

Тем не менее, она отказывалась покидать мостик. Если только корабль не достигнет атмосферы Халфуэя и её мехи не начнут боевой спуск, то битва будет происходить именно здесь. И именно здесь она может быть проиграна. Она отказывалась умирать молча, закрытой в темноте кабины своего меха, не видя вспышки последнего взрыва.

Макдональд предпочитала встречать свои страхи лицом к лицу; такой же ход мыслей подтолкнул её выступить на стороне архонта, а не пережить гражданскую войну в гарнизоне на удалённой планете Тимбукту. Такой же огонь преданности горел в сердцах всего Одиннадцатого

Арктуранского гвардейского полка, и он в конце концов поглотит принца-предателя Виктора.

Её мысли словно спровоцировали ярость уланов: палуба «Леопарда» неожиданно встала на дыбы, а затем провалилась у неё из-под ног. Её желудок моментально оказался в состоянии свободного падения, затем вибрирующая палуба сильно ударила по ногам, и агонизирующий визг разрываемого металла многократно разошёлся по кораблю. Она могла чувствовать свежий запах озона, исходящий от повреждённых электрических цепей, ощущать их едкий вкус в горле.

У штурмана над глазом появилась кровавая рана, полученная от удара головой о пульт управления, а один из старшин по контролю за повреждениями недвижимо лежал на палубе: левая сторона лица была разбита и кровоточила, его компаньон проверял у товарища признаки жизни.

— Это был ракетный отсек левого борта, — сообщил офицер по контролю за повреждениями по своей сети оповещения. — Взорвалось одно из отделений с боеприпасами. Мы потеряли атмосферу перед двадцатой переборкой, на уровнях три и четыре.

— Полковник Макдональд, — сказал Микельсон. — Сейчас я прошу и требую, чтобы вы покинули мой мостик и пошли в отсек мехов.

Медленно, осторожно Макдональд расслабила свою мёртвую хватку о компьютер, её побелевшие пальцы вновь обрели цвет.

— Сколько до выхода на орбиту? — спросила она, говоря через своё сердце, которое словно застряло у неё в горле.

— Высотный спуск будет возможен через девяносто минут, или примерно через два часа, если мы спустим вас ближе к поверхности. Нам нужно будет сбросить намного больше нашей поступательной скорости.

— Я могу подождать, — сказала Макдональд.

— Вы можете, если хотите попробовать задержать дыхание, проходя через две палубы полного вакуума, — сказал Микельсон, оставаясь на грани вежливости. — Мы только что потеряли главную шахту. Если «Гордость» получит ещё один проникающий удар в середину корпуса, безопасной дороги, чтобы добраться до ваших монстров, просто не останется.

Это было бы похуже, чем оказаться взаперти отсека мехов во время космической схватки. Макдональд была настолько же мехвоином, насколько и командиром. Она никогда не останется позади, в то время как её соединение будет опускаться на поверхность Халфуэя.

Она отпустила компьютер, за который держалась, остановилась ненадолго возле капитана для традиционного рукопожатия и отдания чести.

— Доставь нас туда, Том, — сказала она. Микельсон едва кивнул, всё его внимание сосредоточилось на происходящем рядом сражении.

Она нетвёрдо передвигалась по мостику, и теперь перед ней стояла задача добраться до нижнего отсека для мехов так, чтобы слишком сильно не удариться о переборки корабля. Пересекая это короткое пространство между двумя важнейшими зонами на любом посадочном корабле, она впервые чувствовала себя по-настоящему уязвимой. Это чувство длилось до тех пор, пока она не взобралась по лестнице; затем она подала будничное приветствие своим солдатам и, наконец, взобралась в кабину «Кинг Краба» и задраила её за собой.

В отличие от большинства боемехов, внутри плоского широкофюзеляжного «Кинг Краба» было дополнительное пространство. Достаточно места для двух сидений — одно для пилота-мехвоина, а другое традиционно зарезервировано для командира полка. Это давало высшему офицеру свободу и позволяло командовать сражением. До настоящего момента Линда Макдональд никогда не могла представить себе участие в битве в качестве *наблюдателя*. Она всегда сражалась в собственной машине рядом со своими солдатами.

Усаживаясь в кресло, она сняла с полки над головой громоздкий нейрошлем, надела и закрепила ремешком, позволив ему опереться на вздутые плечи охлаждающего жилета. Потом она продела толстый кабель, тянувшийся из-под подбородка нейрошлема, в крепительные петли на охлаждающем жилете, вставила его в гнездо справа от сиденья. Затем подключила жилет к

проводу охлаждающей системы, болтающемуся слева, проверив его на трещины и неполадки. Надлежащее обращение охладителя будет критически важным во время наземной битвы.

На следующем шаге она произвела первичную проверку безопасности и начала процедуру активации, которая разбудит её стотонный штормовой мех. Под ногами она могла чувствовать глубокий рокот термоядерного реактора, и через несколько секунд температура начала возрастать к номинальному рабочему уровню. Порция охладителя вошла в жилет, и она невольно вздрогнула.

— КК-ноль-ноль-ноль, — компьютер произнес техническое название «Кинг Краба». Макдональд знала многих мехвоинов, которые давали имена своим машинам или же изменяли заводские установки приветствия на более «человеческие». Но она никогда не чувствовала в этом необходимости.

— Начат процесс опознания, — сказал компьютер. — Идентифицируйте свою личность.

Голос был слегка похож на женский, но без каких-либо определённых интонаций.

— Линда Макдональд, — сказала она, доставая из камеры хранения новые кожаные перчатки. При работе с элементами управления она предпочитала их лучшую хватку голой коже рук.

— Полковник, Одиннадцатый Арктуранский гвардейский полк.

— Отпечаток голоса принят. Вторичный протокол запущен.

Поскольку технология подделки отпечатков голоса была известна уже на протяжении тысячелетия, большинство программ безопасности боевых мехов требовали ввода ключевого кода или фразы, которые знали только мехвоины. Взлом такой программы занимал длительное время и предполагал знания аппаратного обеспечения боемеха, а такое искусство было нелегко получить во Внутренней Сфере, где технология являлась драгоценностью.

Макдональд сжала рычаги управления.

— Праздные умы — орудия Дэвионов, — сказала она.

— Вторичный протокол безопасности соблюден. Доступ к высшим функциям компьютера разрешён.

Последние, разумеется, включали в себя наведение и управление огнём.

— Полковник Макдональд в боевой готовности, — сказала она в микрофон нейрошлема. Её система связи была подключена к главной частоте корабля, а также к приватному каналу собственного соединения.

— Очень вовремя, — услышала она слова капитана Микельсона, в которых всё ещё слышались нотки резкости. — Мы как раз должны были получить некоторую помощь от сил прикрытия генерала Эстебан, но истребители уланов в спешке удалились, направившись в сторону пятой планеты системы. Похоже, именно там они спрятали все свои транспортные корабли.

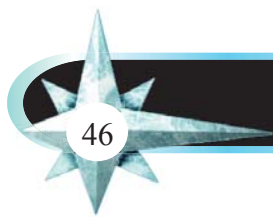
Линда Макдональд улыбнулась. Теперь мало что, если вообще что-то, стояло на пути их наземной атаки.

— Хорошие новости, Том. Мои поздравления другим капитанам и нашим пилотам-истребителям. Приказываю всем машинам Одиннадцатого гвардейского полка быть в состоянии готовности — на земле мы будем менее чем через два часа.

— А затем, — она понизила голос, чтобы слов не было слышно в микрофон, — посмотрим, какую оборону Виктор Дэвион подготовил против нас на этот раз.

— Одним словом, — сказала Мария Эстебан, сомкнув свои утончённые руки за спиной, — ничего.

Всё ещё одетая в костюм мехвоина, с тугими мускулами, дрожащими от адреналина несостоявшейся битвы, Линда Макдональд в изумлении смотрела на большой настенный экран башни космопорта. Выражение на её лице было угрюмым, таким же, как и настроение. Трёхметровый дисплей предоставлял тактическую карту, которая изображала Халфуэй развёрнутым наподобие кожуры очищенного апельсина. Мигающие значки означали подразделения уровня батальона рассредоточенные по всему миру. Меньше половины из них находились рядом, и из

окон космопорта, сделанных из армированного стекла, представляли собой достаточно впечатляющее зрелище.

Наибольший космопорт Халфуэя занимал десять квадратных километров и находился за границами Торренса, столицы планеты. Десять посадочных кораблей возвышались на горизонте, как будто кто-то опустил на посадочное поле небольшой городок луковичеобразных небоскрёбов. Три бронетанковых соединения и ещё два пехотных контролировали периметр. Батальон мехов в полном составе охранял саму башню, хотя Макдональд не совсем понимала от чего.

Обнаружив космопорт незанятым, точнее — покинутым, она быстро сделала его своей оперативной базой для поиска армий Виктора Дэвиона. И через полдня всё ещё не было никаких известий о нём. Даже ни одного отставшего пехотного отделения.

Макдональд прошла вдоль скопления выключенных мониторов. С появлением её войск вся обычная деятельность космопорта была свёрнута.

— Мы должны вернуть один ПБГ на Йорк, — сказала она. — Возможно, на этот раз мы могли бы обезвредить прыгунов Виктора и изолировать его на планете.

Мария Эстебан покачала головой. Серебряные прожилки в тёмных плотных волосах были единственным, что выдавало её возраст.

— Он не вернётся на Йорк, — сказала она. Её голос был мягким, но полным убеждённости и чем-то, что для Макдональд звучало как уважение.

Макдональд кивнула. Когда дело доходило до вопросов стратегии, она полагалась на Марию Эстебан. Генерал имела более сорока лет командирского опыта, из них двадцать семь в качестве командующего Одиннадцатого Арктуранского гвардейского полка. Ни для кого не было секретом, что она надеялась отсидеться на Тимбукту, но когда её солдаты начали проявлять нетерпеливое желание помочь подавить гражданскую войну, затеянную принцем Виктором, она невозмутимо приняла это.

Как и надлежало, она передала командование полком Линде Макдональд, а сама возглавила всю ударную группировку полков. Эстебан обманула Виктора Дэвиона уже не раз, а дважды, на Аларионе и на Йорке. Даже трижды, если считать то, как она скрытно обезвредила Рейнджеров Скай и не позволила им соединиться с Виктором. Если он на этот раз возвращал должок, то Макдональд не могла винить в этом свою наставницу.

— Он захочет двигаться вперёд, — сказала Эстебан. — Если бы ему на самом деле была нужна база между Аларионом и следующей целью, он бы встретил нас здесь. Я надеялась, что он так и поступит, но когда мы отбили Йорк, то видимо заставили его перейти к молниеносной войне, блицкригу. Теперь он будет двигаться быстрее, всегда пытаясь быть на прыжок впереди нас.

— Это сработает?

Эстебан пожала плечами.

— Да. Если он продолжит перемещаться достаточно быстро, если у него достаточно припасов, чтобы продержаться, пока не подойдёт снабжение с Алариона или Ковентри, и если он не встретит на своём пути жестокого сопротивления.

— Тогда нам следует идти за ним, — Макдональд ударила кулаком в перчатке по ладони другой руки.

Взгляд Эстебан стал неодобрительным.

— Твоё соединение не готово к перемещению, и ты знаешь это. Оставив аэрокосмическую бригаду улан позади себя, Виктор добился того, чего хотел. При отходе они разбили твои аэрокосмические подразделения и почти привели в негодность три транспортных корабля, убедив нас, что на планете было что-то, что стоило защищать. Мы потратили слишком много времени на ничего не значащий мир. Кроме того, теперь нам нужно остановиться, чтобы ты произвела необходимый ремонт.

Голос генерала упал почти до шёпота, как будто она разговаривала сама с собой.

— Он провернул то же трюк, что я показала ему на Аларионе. Виктор учится. Нам никогда нельзя забывать об этом.

Макдональд кивнула. Она ненавидела саму мысль, что принц-предатель может обладать какими-то достоинствами, но считать его некомпетентным означало заведомо обрекать себя на ошибки. Хотя она всегда называла его Виктор Дэвион, отказывая ему в праве рождения как Штайнера, она знала, что он, вероятно, был одним из самых способных командующих со времён Керенского.

А теперь Мария Эстебан доказала, что была равной ему.

— Тогда мне лучше остаться здесь, — сказала Макдональд. — Вы попытаете загнать Виктора на поверхность, а я догоню вас так быстро, насколько это возможно.

— Ближе к тому, о чём я думаю, — сказала Эстебан, — но не совсем.

Она провела пальцем в воздухе, как будто рисуя карту.

— Готова поспорить, что Виктор прошёл через Аристотель и, возможно, Клинтон. В обоих этих мирах он может ожидать на радушный приём. — Она кивнула, слегка улыбаясь самой себе. — Я возьму с собой половину ударной группы и двинусь вперёд по флангу. Если мы не получим сведений о его пребывании, я не пойду дальше Арганды и буду ждать тебя там.

Макдональд была впечатлена тем, как Эстебан извлекала из памяти имена миров. Ей самой понадобилось некоторое время, чтобы создать мысленный образ звёздной карты Лиранского Альянса, чтобы отследить маршрут.

— Вы думаете, что знаете, куда он направляется, — сказала она медленно. — Это Геспер?

Эстебан расплылась в улыбке, словно учитель, радующийся успехам подопечного.

— Это соответствует его характеру и его целям. На первом шаге Виктор двигался так, чтобы быстро поставить под свой контроль важные индустриальные планеты. Инаркс, Ковентри, Аларион — Геспер будет следующим в этом списке. И потеря самого крупного индустриального центра станет сокрушительным ударом для архонта.

Макдональд что-то уловила в голосе генерала.

— Но вы не думаете, что он может сделать это.

— Геспер слишком близко к острову Скай, — просто сказала Эстебан.

Чтобы понять скрытый смысл этого утверждения, Макдональд потребовалось несколько секунд. Затем она вспомнила, что во власти в Скай утвердился Роберт Келсуа-Штайнер. Арктурранская гвардия всегда поддерживала связь с семьёй Келсуа, это правда, но Макдональд считала герцога Роберта личностью, без услуг которой Катрине Штайнер было бы лучше обойтись. Среди множества его политических амбиций значилась и независимость Скай. Мысль об использовании его помощи заставила вспомнить старую терранскую поговорку об ужине с дьяволом.³

— Скай и большая часть театра Фридом является блокпостом на пути Виктора к Федерации Солнц. И Роберт Келсуа-Штайнер является могущественным человеком, контролирующим этот пост.

— Я принесу длинную ложку, — сказала Макдональд, желая продемонстрировать своё воодушевление.

Эстебан сжала губы.

— Если это тебя избавит от некоторых опасений, — сказала она наконец, — спроси себя, как мне удалось воспрепятствовать Семнадцатому Скайскому полку соединиться с войсками Виктора на Йорке.

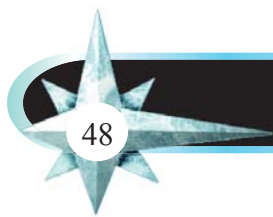
Это привлекло внимание Макдональд.

— Герцог Роберт отозвал их?

Конечно он. Кто же ещё мог иметь больше власти над Рейнджерами Скай, чем Виктор Дэвион? Мария Эстебан давала возможность Макдональд заглянуть за кулисы той работы, которая сделала её недавние победы возможными, посвящала в дела, которые также могли привести к окончательной победе.

— Семнадцатый полк вообще никогда не присоединится к Виктору?

³ Речь идёт об английской поговорке «Sup with the devil with a long spoon», буквально «За ужином с дьяволом ешь длинной ложкой», т.е. «имея дело с опасным человеком, держи его на расстоянии». (прим. пер.)

— Исключая непредвиденный — и нежелательный — альянс между Виктором и Робертом — нет. Семнадцатый полк рейнджеров привязан к округу Скай, и ничто этого не изменит. Но Виктор может пока не понимать этого, и если даже понимает, всё равно может думать, что нестабильность Скай может дать ему брешь, чтобы пройти к Гесперу. Если он думает, что может захватить его, именно туда он и направится.

— И там мы его и уничтожим, — сказала Макдональд, завершая мысль. Неожиданно она стала чувствовать себя намного лучше.

Это могло сработать. Фактически, это могло бы привести к завершению гражданской войны. Виктор был способным полководцем, но у него не было необходимых ресурсов. Его поддержка в этой гражданской войне была распылена по многим одиночным планетам, каждая из которых сражалась за свой маленький кусочек крупного приза. *Это* и было его фатальной слабостью. Макдональд видела это, и в тот момент начала верить, что, если ей удастся сосредоточить лично против Виктора достаточно сил, то она сможет разбить его.

Ради благополучия Альянса.

Во славу архонта.